

18+

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Против Сентября

Мария Фомальгаут Против Сентября

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49602637

ISBN 9785005099303

Аннотация

Ничего времени. Совиная сень по розе: в гостиную плоть большой мор. Прямо плачут часы, лабиринтом еще жизн часы, это они могут – идти... Королева гневается. Я продал мало два шахматного тира... Не то... Холодный, холодный оконный ветер... узорчатый час занавески Казнил окно, только потом признался, что у него жуткая фобия на котов, и выйдет он иногда весь прекрасный... Не то... Часы короновали полночь, призрачная площадь велик бежал круглым хвостом. Сто королевств и кровей шёлковая связь Еще нетее...

Содержание

Жгущий реальность	5
Памкин-холл	9
Уинчестер	16
Дождь прячется от дождя	21
Я говорю – дом	24
Против Сентября	32
Неубитый Сауин	39
Город без вероятности	46
Вальс танцует чардаш	53
Василиск, которого нет	59
Не наша память	65
Не проходящий врата	69
Не мертвая	80
Голод о городе	87
Добраться до негорода	99
Еще не на шпиле	106
Город Дунай на берегу Парижа	112
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Против Сентября

Мария Фомальгаут

Мария Фомальгаут *Иллюстратор*

© Мария Фомальгаут, 2019

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-9930-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жгущий реальность

– А вам страшно было?

– Ну, знаете, когда переходил – нет, не было... я же еще не знал, что меня ждет...

– А когда переместились... что чувствовали?

– Знаете, эйфорию. Восторг. Вот вроде и понимал, что надо что-то делать, искать работу какую-то, жилье... а вместо этого как дурак ходил по городу, наслаждался, смотрел, насмотреться не мог...

– ...под машину не попали?

– Ну что вы, я понимал, что времена изменились, что надо быть осторожными... стыдно сказать, я к шоссе вообще подойти боялся, мимо проносятся машины, а у меня внутри сжимается все...

– И когда вы поняли, что этот город... не ваш?

– Знаете, до последнего не хотел верить, до последнего говорил себе, что я счастлив, что это просто я не привык к бешеному темпу города... что я слишком медленный, потому что оттуда, – показывает куда-то назад, – и надо привыкнуть... вы же понимаете, я оттуда сбежал, потому что город был слишком... медленным... еле плелся вперед, все плавно, размеренно... в семь часов открывают ставни, в половине восьмого садятся завтракать, в восемь открываются лавочки, мастерские... в полдень звонит колокол на ратуше,

люди обедают... в пять часов садятся за вечерний чай...

– И вам все это так надоело, что вы решили...

– ...да нет, тогда я еще ничего не решил... А вот когда я приделал к своему дому мотор...

– Мотор сами собирали?

– Да, мотор сам собирал... ну и вот, я понимаю, что город остается где-то там, сзади, а я на своем доме скачу вперед...

– ...и вы решили...

– ...да, немного изменить мотор... чтобы проехать вперед, – последнее слово произносит с нажимом, – кто же знал, что там будет такое... Все время приходилось бежать во весь дух, чтобы успеть за городом... пару раз я даже падал, город чуть не затоптал меня копытами...

– ...да, понимаю, я тоже побаиваюсь этого города... современный, стремительный... перемелет, сожрет, не подавится... И вы задумались о том, чтобы вернуться обратно?

– Нет, об этом даже мысли не было... чай в пять вечера, в шесть закрываются лавочки, в восемь садятся ужинать, в девять зажигаются фонари, в десять вечера идут спать...

– А почему вы не пробовали перебраться в другой город?

– Вы понимаете, я люблю Таймбург... но тот Таймбург был для меня слишком медленным, а этот слишком стремительным... Я люблю какой-то средний Таймбург между этими двумя... понимаете... – смеется, – ну никак я не ожидал, что через триста лет Таймбург станет столицей...

– И вы решили...

– ...ну, сразу я ничего не решил, сначала я вообще не понимал, что делать... а потом додумался, если чуть-чуть перенести город, он не станет столицей... например, сделать не в развилке двух рек, а чуть севернее... или подальше от больших дорог...

– И у вас получилось?

– Ну, не с первого раза... пару раз вообще я приходил вперед и не видел города... город умирал... Вы не представляете, сколько пришлось высчитывать, прежде чем получился город, как я хотел...

– Ну... в чем вам обвиняют, я думаю, вы понимаете?

– Думаю, что да. Вы мне только одно объясните, будьте добры...

– Что же?

– Как вы меня поймали?

– Ну, это просто... вы сами посудите, у вас город какой получился?

– А... какой?

– Не слишком медленный, не слишком быстрый.

– А у нас какой город?

– У... у вас?

– Вот именно. У нас. Скорый, стремительный, который в два счета догнал ваш городиш... э-э-э... вашу версию города.

– То есть... я правильно понимаю, что есть ваша версия города, версия изначальная?

– Ну... разумеется.

– А если ваша версия осталась в целости и сохранности, то в чем вы меня обвиняете?

– Ну... э....

– ...тогда я ни в чем не виноват.

– Но... вы уничтожили вариант города, который...

– ...а если я уничтожил город, то вы не могли меня догнать, значит, я на свободе.

– Но мы догнали вас!

– А если догнали, то я ни в чем не виноват! Так что шах и мат, господа, шах и мат... всего хорошего... – прыгает верхом на город, дергает за поводья, – поше-о-о-ол!

Памкин-холл

...больше всего маленький особнячок на Квин-стрит мечтал перебраться куда-нибудь в маленький городок или паче того, в уютную деревушку, жить на лоне природы, по утрам выходить в сад и срезать розы, а потом пить чай на веранде и смотреть на бескрайние зеленые холмы. Стоять на оживленном перекрестке в окружении бесконечного потока машин нашему герою нравилось меньше всего. Особнячок (кстати, его звали Памкин-Холл) не раз и не два просил хозяина перебраться поближе к природе – но хозяин (кстати, его звали Шеридан) снова и снова объяснял, что с его скромными доходами о переезде за город не может быть и речи – даже ради своего дома Шеридан не собирается ездить каждое утро из пригородов на работу на электричке, и вставать для этого в пять утра.

Стоит ли говорить, что Памкин-холл был счастлив, когда однажды хозяин объявил, что берет отпуск на месяц...

– ...ты поедешь отдыхать на месяц? – спросил Памкин-холл, – но это же так далеко! А на чем ты полетишь – ведь космический корабль стоит так дорого!

– Ну что ты, я не собираюсь никуда лететь, мы поедем в деревню...

– Так на месяц... или в деревню?

– В деревню. На месяц.

...итак, Памкин-холл был счастлив, что поедет в деревню – правда, так и не понял, как можно поехать на месяц на поезде, и немало удивился, когда вечером над трубой увидел месяц – месяц, на который они должны были ехать. Впрочем, Памкин-холл быстро забыл об этом, ведь в деревне за городом было так замечательно. Можно было выходить поутру в сад и срезать свежие розы, можно было пить чай на веранде, можно было болтать о том, о сем с другими домиками – маленькими, уютными, в два-три этажа, а не с исполинскими городскими громадинами, которые даже не кивнут в ответ на вежливое «Добрый день».

Время шло, месяц неумолимо подходил к концу, и чем больше приближался день, когда нужно было возвращаться в город, тем больше Памкин-холл думал о том, как можно остаться в деревне насовсем.

– Если бы ты мог не работать, – говорил он хозяину.

– Если бы, – вдыхал Шеридан.

– Если бы ты, например, нашел клад...

– Если бы, – кивал Шеридан и добавлял, – слушай, а у тебя на чердаке или в подвале нигде не завалился сундук с сокровищами?

Памкин-холл терпеливо оглядывал свои комнаты, но никакого намека на сокровища не находил.

– А если бы ты получил наследство... – продолжал Памкин-холл.

– Если бы, – Шеридан шел на кухню, заваривал кофе, –

но тетушка Вайолет, похоже, собирается жить вечно... да и кто сказал, что она непременно что-то мне оставит?

Памкин-холл задумался.

– Говоришь, у тебя есть тетушка?

– Да, Вайолет... правда, живет далекоовато...

– ...и ты ни разу не навестил её все это время? Хороший же ты племянничек, ничего не скажешь...

Шеридану стало неловко, что он ни разу не навестил тетушку, и он сказал:

– Ну... если тебя не смущает долгий путь целую ночь... то к утру мы будем на месте, в Трик-холле.

– Все в порядке, – ответил Памкин-холл, – я включу фонари.

И он действительно включил фонари – два возле входа, два у калитки и один под самой крышей – и отправился в путь...

– ...так вы признаете, что тем вечером говорили о наследстве?

– Ну да, был разговор, – Шеридан кивает, – ну и что теперь, если я про наследство говорил, я, что ли, убил тетушку?

Следователь хмурится.

– А почему вы считаете... что её именно убили?

– Ну а что же вы тут, в таком случае, делаете?

– Ну, это обычная процедура, когда кто-то умирает...

В конце концов... ради такого наследства...

– Какого наследства?

– Вы что, не в курсе, что вам оставила тетушка?

– Семейный сервиз? Старинные часы?

– Отнюдь... речь идет о миллионах фунтов...

– Ничего себе! Слушайте, я этого не знал...

– Вот это да! – дом подскакивает на месте, – значит... значит, мы можем остаться в деревне?

– Да чему ты радуешься, глупый ты дом! Как ты не понимаешь, тетушка умерла, моя драгоценная тетя Вайолет!

– И часто ты её навещал? Хорош же племянничек, ничего не скажешь!

– Спокойно, спокойно, – следовательно начинает сердиться, – скажите... вы ночевали в своем доме или в тетушкином?

– В тетушкином... в комнате для гостей.

– Так-так... это вы нашли тетушку мертвой?

– Нет, Элизабет.

– Элизабет?

– Моя двоюродная сестра... Она утром вошла в спальню тетушки, и увидела...

– ...вы утром вошли в спальню тетушки, и увидели...

– ...тетя лежала на кровати... мертвая...

– Насколько я понимаю, вы живете у тети?

– Да... в Трик-холле.

– И, насколько мне известно... вы и Трик-холл влюблены друг в друга?

Элизабет вспыхивает.

– Вы... откуда вы...

– ...Трик-холл уже рассказал мне... Дома не умеют хранить секреты, знаете ли... Так вы подтверждаете сказанное?

– Но послушайте, это же наше личное с Трик-холлом дело...

– ...речь идет о следствии... и мы подозреваем, что вашу тетушку убили...

– ...да... да, мы с Трик-холлом любили друг друга...

– И вы знали, что в случае смерти тетушки дом отойдет вам?

– Нет... честное слово, я этого не знала... Силы небесные... дом... дом, в который я влюблена... очаровательный замок... Трик-холл...

– Кроме того он сказал, у вас с тетушкой были натянутые отношения?

– Ну... у неё был скверный характер... но неужели вы думаете, что я убила её?

– Пока я еще ничего не думаю... я собираю данные...

– ...да что вы вообще привязались к моим племянникам?

Оставьте их, наконец, в покое!

– Вы... вы...

Следователь смотрит, следователь не понимает, что он видит, что происходит вообще, что за призрачный силуэт мерцает на фоне тусклого ночного света, почему сквозь старческое лицо проступают кости черепа, пустые глазницы, то ли

платье, то ли саван спадает на плечи...

– Вы... вы....

– ...да, это я...

– Но... как?

– Обыкновенно... Или вы первый раз видите привидение в замке?

– Да знаете, как-то...

– Удивительно, дожить до таких лет... и ни разу не увидеть...

– Да, я и сам поражаюсь, как это я... – соглашается следователь...

– Да, я что хотела сказать... оставьте в покое моих племянников, они ни в чем не виноваты.

– Вы... вы уверены?

– Ну а как я могу быть не уверена? Сердечный приступ, это, знаете ли, дело такое...

– Но вы уверены, что это был сердечный приступ, а не... скажем... кто-то мог подсыпать вам в кофе...

– ...я не пью кофе, только чай.

– ...ну, в чай...

– Дорогой мой, в вашем возрасте пора бы уже знать, что призракам известно гораздо больше, чем людям!

– Да, да, разумеется... уже пора знать... я непременно извинюсь перед вашими племянниками...

– Да-да, обязательно, не забудьте!

Вечерет.

Над крышами поднимается месяц. Памкин-холл снова думает, как это хозяин собирался ехать на месяц, ведь туда не проложены рельсы.

Призрак тетушки желает Шеридану спокойной ночи.

Шеридан идет спать.

Памкин-холл осторожно убирает кинопроектор и динамик, где записан голос тетушки и лицо тетушки. Прячет в тайник, где лежит яд, так, на всякий случай, остался после тетушки, может, еще пригодится, а то вроде как хозяин в город перебраться хочет, зима в деревне ему, видите ли, не нравится...

Уинчестер

– ...у меня плохие новости... и в то же время хорошие.

Лондон смотрит на меня с надеждой, и в то же время с отчаянием.

– Вы... вы нашли, кто его убил?

Собираюсь с духом.

– Это сделали вы... и в то же время не вы...

Лондон бледнеет.

– Я... не...

– ...все улики указывают на вас... и свидетели тоже...

– Хотите сказать... я пропал?

– И да, и нет...

– Да перестаньте же вы говорить загадками! Что... что происходит?

– Понимаете... мистера Дублина убили не вы... а какая-то часть вас...

– В смысле... часть меня? – Лондон усмехается, – рука, голова, левое ухо?

– Да нет... вспомните прошлое... нет, не события того рокового вечера, а совсем далекое прошлое... посмотрите-ка на этого каменного дракона!

– Хотите сказать... в прошлом водились драконы?

– Отнюдь... вы же помните, что эти драконы стоят тут не просто так?

– Ну да... охраняют границы... то есть, тьфу, что я говорю, обозначают границы старого города...

– То есть... когда-то вы были вот таким? От Чансери-Лейн до Алгейт-Ист-Стейшен? От Тауэр-Гейтуэй до Лондон-Бридж?

– Ну да... к чему вы клоните, дорогой Эдинбург?

– Все очень просто... а скажите мне, что в те стародавние времена было за воротами Лондинуума, там, куда смотрели драконы в туманную даль?

– Аббатство... другие города... стойте... я все равно не понимаю, к чему вы клоните...

– ...к тем временам, когда вас не было, когда вы еще были не вы, а множество маленьких деревушек... Тауэр, Вестминстер, Холборн, Кенсингтон, Финсбери...

– И... и что?

– И то... кто-то из них точил зубы на Дублин, точил зубы много веков... кто-то из них заставил вас сделать это...

– Убить Дублин?

– Ну да... осталось выяснить, кто это сделал... не волнуйтесь, я помогу вам...

– ...и мы... будем допрашивать по очереди всех подозреваемых?

– Разумеется.

– Но я так понимаю... что пока мы будем искать виновного, кто-то будет методично убивать другие города? – Лондон вопросительно смотрит на меня.

– П-почему?

– Очень просто, по законам жанра. Пока мы ищем виновного, будут новые и новые жертвы... Это же детектив, как вы хотели... Вот это меня и беспокоит, что пока мы найдем убийцу, погибнет множество городов...

– Да... вы правы... боюсь... что я не смогу это изменить...

– Вот именно...

– ...но знаете... я сделаю все возможное...

Лондон смотрит на меня с недоверием и надеждой:

– Вы... вы полагаете... что возможно что-то изменить?

– Я думаю... – хочу ответить Да, тут же спохватываюсь, – я не знаю... не знаю...

Лондон вопросительно смотрит на меня. И на Уинчестер. Хочет сказать, что сегодня не ждал гостей, но тут же спохватывается, ничего не говорит. Вежливо встречает нас в прихожей, накрывает на стол, подбрасывает дрова в камин. Говорим о погоде, как ни в чем не бывало, обсуждаем последние новости, футбол...

– ...вы убили Дублин?

От моего внезапного вопроса вздрагивают оба – и Лондон, и Уинчестер. Вопросительно смотрят на меня, Лондон недовольно морщится.

– Уинчестер... – продолжаю я, – вы... вы это сделали?

– Что... что вы несете.... Эдинбург... в своем ли вы уме...

– ...но мы же знаем, что последними словами Дублина были – Винчестер, винчетсер?

– Он был застрелен... из винчестес...

– ...с чего вы взяли?

– Но это же... очевидно...

– ...отнюдь.

– Послушайте, Эдинбург... я что-то не понимаю... вы сказали мне, что мы идем арестовывать Лондон, как убийцу Дублина... а вместо этого вы...

– ...восстановил справедливость. Потому что это вы убили Дублин.

– Вы сами подумайте, зачем мне его убивать?

– Очень просто. Чтобы подставить Лондон.

– Подставить...

– ...разумеется!

– Вы бредите, Эдинбург... просто бредите... вы... вы... сами-то подумайте, зачем, ну зачем мне подставлять Лондон?

– Взгляните, что я нашел, – наконец-то разворачиваю пожелтевшие от времени бумаги, древние рукописи, – в стародавние времена вы были столицей здешних земель, а потом это почетное звание перешло к Лондону... и вы не смогли ему простить этого... проще всего было, конечно, убить Лондон, но это было не так-то легко, поэтому вы решили подставить Лондон...

...я не успеваю договорить, Уинчестер бросается прочь, прочь в темноту осенней ночи...

– Мы поймаем его... обязательно поймаем, – Лондон бла-

годарно смотрит на меня.

– Надо быть осторожными, – киваю я, – он будет стрелять... все-таки он Уинчестер...

Дождь прячется от дождя

– Не обращайтесь внимания, – шепчу я дождю, – гроза просто завидует вам... просто завидует...

На всякий случай убегаем от грозы, а то мало ли, рассердилась гроза не на шутку. Понимаю, что и сам сержусь на дождь (на самом деле его зовут осенний дождь после полуночи), что мы все сердимся на дождь – но ничего не можем поделаться...

– Вы не обращайтесь внимания, – продолжаю я, когда мы прячемся под навесом от самих себя, – в конце концов... вы снимались в кино... а они все нет.

Да, в этом-то и было все дело, что Дождь (осенний дождь после полуночи) снимался в кино, а мы даже не могли об этом мечтать.

Итак, мы прячемся под навесом от самих себя – как я уже сказал. Знать не знаю, откуда пошел этот странный обычай, что дожди прячутся под навесом, чтобы укрыться от дождей – и не могут.

Дождь кивает, кажется, он благодарен мне – весеннему дождю поутру.

– И все-таки это несправедливо, – я не хочу говорить, но слова говорятся сами собой, – вы снимались в кино, а мы нет...

Дождь молчит.

Наконец, говорит задумчиво:

– Нет, странное дело... я понимаю, если бы мне завидовал такой же дождь, как я, маленький дождичек... но чтобы гроза... целая гроза? Да эту грозу еще много лет вспоминали, она же сорвала крышу с дома... повалила кучу деревьев... что ей еще надо?

Молчу.

Чуть погодя отвечаю:

– Но она же не снималась в кино.

Молчим.

Слушаем стук собственных капель.

Прячемся под навесом от самих себя.

– ...понимаете... должен быть какой-то выбор, кастинг какой-то, чтобы мы все стояли в очереди, показывали себя, чтобы режиссер посмотрел, какой дождь ему больше нравится... а не так вот, какой пошел, такой пошел...

Дождь неожиданно кивает:

– Да... это несправедливо.

Оживляюсь:

– Вы... вы тоже так считаете?

– Ну, разумеется.

Молчим. Слушаем стук собственных капель.

Дождь осторожно добавляет:

– Если бы я мог что-то изменить... я бы это сделал.

Хочу добавить, что изменить ничего нельзя – не добавляю. И так уже все понятно, что дожди, которые уже прошли,

никогда не будут сниматься в кино.

Думаю, почему мы еще есть, хотя нас не должно быть.

Думаю, куда деваются дожди после того, как они прошли.

Расходимся по домам. Думаю, как дожди могут жить в доме.

Думаю, может ли один дождь убить другой дождь – например, из зависти.

Думаю, что на это скажут другие дожди.

И что они будут делать.

И найдут ли они убийцу – что-то подсказывает мне, что не найдут, потому что дожди не оставляют отпечатки пальцев...

Я говорю – дом

Человек боится меня.

Человек не понимает.

Я сам боюсь.

Боюсь, что не получится.

Я говорю человеку – дом. Человек не понимает, человек видит громадину многоэтажки, я злюсь на себя, что не получилось.

Я добавляю – уютный сельский особняк. Человек оживляется при слове уютный, человек наконец-то начинает видеть, что я ему показываю. Я добавляю – старинный, понимаю – попал в точку.

Я говорю – октябрьский вечер, нанизываю еще одно слово – промозглый, человек поеживается. Удачно, говорю я себе, удачно – посреди промозглого вечера старинный дом становится еще уютнее. Свет в окнах, говорю я, янтарно-желтый свет – окна вспыхивают. Капли дождя на черных ветках, говорю я, блестящие капли дождя.

Человек понимает.

Иди к дому, говорю я, чего ты ждешь, здесь же холодно, порывы ветра пробирают до костей – иди в дом, это твой дом, особняк на окраине городка...

Я уже не говорю, какой городок, человек видит его, видит старинные шпили, маленькие церквушки, мощеные улицы,

разные фонари, причудливые вывески над витринами лавочек...

Человек идет домой. Поворачивает ключ в замке, снимает пальто – спохватываюсь, что я ничего не говорил про ключ, про замок, про пальто, – он сам додумал.

Огонь в камине, шепчу я. Получается неубедительно, я говорю – отблески пламени на стенах, потрескивание дров. Перед человеком сами собой появляются почерневшие уголья, сквозь которые проступают раскаленные докрасна трещины.

Глинтвейн, говорит человек.

Яблочный пирог, говорил человек.

Ветер за окнами, говорю я.

Дождь по крыше, говорю я.

Ветви по стеклу, говорю я.

Время близится к полуночи. Мы не говорим этого – просто понимаем.

Спальня, говорит человек. Белые простыни, добавляю я. Клетчатое одеяло, говорит человек.

Шум дождя.

Темный лес, говорю я. Холод ночи, говорю я. Шорох листьев, говорю я. Тварь из леса, говорю я.

Человек не понимает, человеку кажется, что он ослышался.

Тварь из леса, повторяю я.

Запах человеческого жилья, говорю я.

Свет фонарей, говорю я.

Приближается к дому, ступает по мостовой, роняет капли горячей слюны на обледенелые капли.

Просачивается сквозь дверь, добавляю я.

Чувствую, как у человека холодеет в груди.

Сторонится остывающего камина, говорю я. Поднимается по лестнице, чует живую кровь...

Хочу добавить – что-то темное, нездешнее сковало тело – но человек уже и сам догадывается, что не сможет подняться, не сможет убежать.

Медленно поворачивается ручка двери, говорю я. Спыхватываюсь, а вдруг спросит, а зачем поворачивать ручку, если можно пройти насквозь – нет, не спрашивает.

Верит.

Боится.

Первый луч солнца, говорю я.

Ускользает в лес, говорю я.

Человек верит.

Открываются лавочки, говорит человек, люди судачат в трактире, говорит человек.

Пропали четверо, говорю я.

Полиция руками разводит, говорит человек.

Жена трактирщика плачет, говорит человек, у неё две дочери пропали.

И сын часовщика, добавляю я.

Человек не соглашается, человек говорит, что должны

пропадать только девушки, или только дети, или... в общем, должна быть какая-то система, должна...

...никакой системы, говорю я.

Человеку не нравится, человек не доволен, – это плохо, что не нравится, так человек может и оборвать контакт.

Но я непреклонен.

Никакой системы.

Мы пойдем в лес, говорит человек, мы будем искать, говорит человек.

Свет фонариков в тумане, говорю я.

Крики людей.

Пора назад, говорит племянник пастора, смотрит туда, где за облаками должно быть осеннее солнце.

Пора назад, говорят люди.

Кто-то кричит в лесной чаще, рассказываю я. Кто-то нашел пропавших, говорю я, в темноте чащи, в темноте пещеры...

Ночь подступает, говорю я.

Вы не успели их спасти, говорю я.

Но вы вернетесь сюда, говорю я. Завтра. Чтобы спасти похищенных.

Ночь, говорю я.

Тварь из темного леса, говорю я.

Чует кровь, говорю я.

Сквозь дверь.

Обходит остывающий камин.

Вверх по лестнице, говорю я.

Страх, говорит человек.

Поворачивается ручка двери, говорю я.

Рассвет, говорит человек.

Теперь надо быть осторожным.

Очень осторожным.

Может ничего не получиться.

Но – отступать уже некуда.

Я говорю – здесь днем царит нестерпимая жара, нужно прятаться в убежище, выходить можно только ночью под светом трех лун. Выходить – чтобы добраться до величественных руин мертвого города, входить в безжизненные покои, залитые лунным светом, искать святую святых – высохшие мумии, чтобы...

...человек не понимает, человек сердится, а что же маленький городок на опушке леса, а что же янтарно-желтый свет окон, а что же блестящие капли дождя на черных голых ветках...

Молчу.

Догадываюсь, что здесь лучше молчать, так молчать, чтобы человек понял: хочешь идти за мной – иди, не хочешь – всего хорошего, я тебя не держу. Есть такие люди, которых надо заманивать, убаюкивать сказками, терпеливо разжевывать каждое событие, а этот вроде не такой, – терпеливый, думающий, он уже попался на крючок, он уже не уйдет, куда бы я его ни забросил – хоть на край вселенной...

...что я и сделал.

Отчет на землю, говорит человек.

Ждать ночи, говорит человек.

Идти в город, говорит человек, искать умершие тела – он не спрашивает, зачем, он принял правила игры, если так надо – значит, так надо.

Время близится к рассвету, человек спешит в укрытие, человек принимает правило игры.

Свет солнца заливает раскаленную пустыню, поросшую чем-то неведомым, мертвый город, где в пустынных залах лежат тела...

...они оживут с восходом солнца, говорит человек.

Удивленно смотрю на человека – мне просто не верится, что человек может так понимать меня, так чувствовать...

Они подбираются к убежищу – жуткие силуэты в раскаленной пустыне, они ищут, они не находят – почему-то они не чувствуют, где убежище, не чувствуют, где спрятаны их сородичи...

Успеют они до заката, или нет – спрашивает человек, и сам же отвечает на свой вопрос – это неизвестно, это будет интрига, которая растянется надолго...

Человек ждет.

Бойтся.

Волнуется.

Солнце уходит.

Высохшие мумии скрываются в мертвом городе.

Человек уже понимает, что нужно делать, уже не ждет моих слов, он идет в город, он собирает высохшие мумии, все, все...

...уходит с рассветом в укрытие.

Отчет на Землю.

И спать.

Спать.

...чтобы проснуться через несколько часов, когда последняя высохшая тень войдет в убежище...

...я не даю ему договорить, я бросаю человека в промозглый осенний лес, к входу в пещеру, – он должен освободить всех, всех, он должен уничтожить то, что затаилось в темноте...

Револьвер, говорит человек. Шесть патронов, говорит человек. Всю обойму, говорит человек.

Я снова не даю ему договорить, я бросаю его на край вселенной, где к его укрытию подбирается нечто...

Оружие, просит человек, оружие. Неважно, какое, такое, чтобы убить эту тварь, ну... а давайте так, как будто я уже нашел оружие, которым их можно убить...

Снова бросаю его к пещере в лесу...

...он целится в темноту...

...спохватывается.

Опускает оружие.

Уходит.

Нет, не уходит из леса, и не уходит из пещеры – уходит

от меня.

Вот так.

Просто.

Я еще не верю себе, что кто-то вот так просто раскусил мою уловку, быть того не может, чтобы вот так...

Я должен найти его, говорю я себе.

Должен.

Найти.

Забрасываю удочки.

Жду.

Ищу хоть кого-нибудь по ту сторону сознания.

Чувствую человека – через пустоту.

Начинаю.

Как всегда.

Говорю – дом...

Против Сентября

– Какого цвета были шторы в доме ваших родителей?

Апрель недоуменно смотрит на меня.

– Простите?

Терпеливо повторяю:

– Какого. Цвета. Были. Шторы. В доме. Ваших. Родителей.

– Где именно?

– Ну... допустим... в спальне.

– Желтые. С фиолетовыми лилиями.

– Вы так уверены?

– Да, это я помню хорошо.

Снова оглядываю сидящих, выбираю очередную жертву, наконец, показываю пальцем на Января:

– Какая у вас была обложка... на тетради по математике?

Январь фыркает:

– Да вы издеваетесь.

– Вспомните хотя бы одну.

– Э-э-э... лошади там были. Белые. На синем фоне. А вот, еще вспомнил, одна обложка была как деревянная доска...

Смотрю на собравшихся, говорю себе, что делаю что-то не так. Какого черта я вообще позвал их сюда, какого черта я спрашиваю, надо было хотя бы поговорить с каждым наедине, чтобы никто не догадывался, а теперь каждый из си-

дящих уже заранее придумывает, что ответить, они уже разгадали мой план...

...или нет?

Сентябрь старается владеть собой, но я вижу, что у него это получается плохо. Очень плохо.

– Мы найдем того, кто это сделал, – киваю, смотрю на Сентября, – найдем... обязательно.

Сентябрь молчит, смотрит на растерзанное тело на полу.

– Уже второй раз... – добавляю я, – кто-то хочет подставить вас... очень хочет подставить...

Сентябрь молчит. Кажется, хочет что-то сказать... нет, только кажется.

Распахиваю дверь.

Не верю своим глазам.

Оторопело смотрю на то, что творится в комнате, нет, нет, этого не может быть, я сплю и вижу сны...

– Сентябрь? Вы?

Сентябрь поднимает голову, смотрю на его окровавленное лицо, на труп девушки у ног Сентября, все еще не понимаю, вижу острые клыки Сентября, черт возьми, готов присягнуть, что еще вечером у него не было никаких клыков...

...бросаюсь вниз по лестнице, прочь, прочь, в никуда...

– ...вы этого не делали.

Сентябрь оторопело смотрит на меня.

Повторяю:

– Вы этого не делали.

– Но... слушайте, Июнь, я четко помню, как сделал это...
я... я не хотел... но...

– ...вы этого не делали.

– Я вас не понимаю... Июнь.

Разливаю по бокалам остатки времени.

– Я буду говорить странные вещи... Сентябрь... вы же понимаете, что кроме сторонников у вас есть и недоброжелатели...

– Разумеется... и их немало.

– Ну и вот... Как вы думаете, много ли о вас напишут книг после вашей смерти?

Сентябрь удивленно вздрагивает.

– Гхм... никогда не задумывался...

– А их будет немало, поверьте мне. Те, кто работал с вами... сочтут за честь написать воспоминания...

– Никогда не...

– ...но будет и немало тех, кто захочет очернить вас... кто напишет про вас неправду...

– Да... несомненно.

– ...и вот представьте себе, в отдаленном будущем кто-то напишет про вас вот такую лживую книгу, книгу ложных воспоминаний... более того, этот человек... или люди... они выдумают вам несуществующего сообщника... и от его имени напишут немало клеветы...

– Но откуда... откуда вы знаете?

– Очень просто... кто-то написал эту клевету... и теперь

наравне с нашей, настоящей реальностью живет реальность, в которой вы пьете кровь невинных жертв...

– Вы полагаете...

– ...я уверен. Но и это еще не все... в этой параллельной реальности и правда существует тот вымышленный автор, который написал про вас все это...

Оглядываю сидящих в гостиной. Сжимаю зубы. Найти. Найти любой ценой, вытащить из сидящих всю подноготную, мельчайшие детали биографии, о которых не упомянули авторы лживой книги, – цвет занавесок в кухне в родительском доме, обложка тетради, а когда первый раз поцеловался, и где, и с кем, а пробовал курить, или нет, а...

Сжимаю зубы.

Искать.

Искать...

– А у вас какие были шторы в доме? – ехидно спрашивает Февраль.

Хочу ответить – тут же спотыкаюсь о собственные мысли. Понимаю, что я не помню. Нет, не помню не только шторы, но и вообще родительский дом, каким он был, какими были мои отец и мать...

Мне становится не по себе, очень сильно не по себе. Отшучиваюсь какими-то дежурными фразами, что хотел разрядить обстановку, поближе узнать присутствующих – выжидаю удачный момент, чтобы откланяться и пойти к себе спать.

Вспоминаю. Отчаянно. Безнадежно. Приказываю себе вспоминать – хоть что-нибудь, шторы в доме родителей, чайник на столе, да вообще хотя бы где я жил, в квартире, в доме, в каком доме, сколько этажей, как солнце падало утром на стены, какие обои были...

Ничего.

Ни-че-го.

Спрашиваю себя, куда я уйду, когда не ночую у Сентября – понимаю, что не знаю. Просто. Не знаю. Потому что я никогда отсюда не уйду, потому что я всегда здесь, рядом с Сентябрем, помогаю Сентябрю принимать гостей, давать интервью и выступать перед публикой...

Но... но где, черт возьми, мой дом...

Неужели...

...некогда, некогда, говорю себе, открываю ноут, пишу...

...все, кто встречался с Сентябрем, все, кто видел его безупречные манеры, сталкивался с его обаянием – просто не могли представить себе, каким на самом деле является их кумир. Честно признаюсь, я и сам первый раз не поверил в то, что мой вдохновитель способен на такое, уж слишком он казался правильным, слишком идеальным. Я искренне думал, что Сентябрь просто нашел труп обескровленной девушки, мы вместе возмущались, кто это мог сделать. И даже когда чуть погодя мы нашли еще двух убитых, у меня не возникло подозрений. И только в тот роковой вечер...

...одергиваю себя, не писать, не писать, – нет, что-то силь-

нее меня тянет мои руки к клавишам...

Снова отстраняюсь.

Выдерживаю полминуты, после чего снова —

...когда я вошел в комнату Сентября и увидел, как он вонзает свои клыки в горло очередной жертвы...

...полминуты, говорю я себе, полминуты.

Продержался.

Дальше будет легче.

Мне так кажется.

...позже я сам не раз помогал ему искать новые жертвы и заманивать в дом — о чем теперь глубоко сожалею...

Неубитый Сауин

Сегодня пропала Лита.

Приходил Лугнасад, ругался со мной, и с Сауином тоже, обвинял Сауин, что он убил Литу. Мы его еле успокоили, ишь еще чего выдумал, Сауин виноват. Ну, так оно обычно и бывает, чуть что, сразу Сауин виноват, как будто кроме Сауина никого и нет.

– Лита найдется, – говорит Сауин, когда вечером в домах закрывают ставни.

– Найдется, – говорю я.

– Погуляет и придет, – говорит Сауин.

– Придет, – говорю я.

У нас в доме летят листья.

Из окна гостиной видно, как в доме Йоля и Имболка падает снег.

Из своего окна я вижу черничные луга вокруг дома, где пропала Лита.

– Остара, говорит Белтейн.

Говорит – и смотрит на Сауина, смотрит подозрительно, пристально.

– Остара, повторяет Белтейн.

Успокаиваем Белтейн, уверяем, что непременно найдем Остару, ну, времена сейчас пошли беспокойные, но Остара-то мы непременно найдем, вот завтра пойдем в лес ис-

коть...

Завтра никуда не пошли.

Завтра Имболк.

– Имболк, – говорил Йоль.

И мы не понимаем, почему Имболк, как Имболк, сегодня же июль, время идет к Лугнасаду...

Тут же понимаем.

Спохватываемся.

Выйдем в лес, говорит Сауин, будем искать, говорит Сауин.

Нет, говорит Лугнасад, смотрит на непогоду за окнами, ежится, говорит, что надо попрятаться по домам, а то мало ли.

Прячемся.

Закрываем ставни.

Укрываемся от чего-то непонятного, неведомого, что ходит по пустоте улиц, ищет очередную жертву...

Лугнасад, говорят утром.

Лугнасад.

Уже не спрашиваем, что – Лугнасад, уже понимаем – исчез.

К нам приходят ближе к полудню.

Не успевают спросить.

Лугнасад был дома, всю ночь был дома, говорю я.

Понимаю – мне не очень-то и верят.

Нам не верят, говорю я.

Не верят, соглашается Сауин.

Надо уходить отсюда, говорю я.

Сауин оторопело смотрит на меня, ему кажется, он ослышался.

Уходить, повторяю я.

Сауин не понимает, куда уходить, как уходить – я настаиваю, хоть куда, хоть как, но уходить, вот прямо сейчас, будет там какой-нибудь домик в лесу, обязательно будет, ну... потому что... потому что по сюжетам так должно быть, вот почему, и ближе к вечеру мы запрежем пару вороных коней, и поскачем прочь...

...темнеет.

Фыркают кони.

Я вешаю на экипаж два фонаря, настораживаюсь, вижу огни совсем рядом, свет факелов, тревожные голоса, они идут сюда, ищут нас...

Щелкаю хлыстом.

Кони срываются с места, несутся в пустоту ночи, черные осенние ветки хлопают по стенкам экипажа. Они найдут нас – те, кто гонятся сейчас по нашему следу, они найдут нас – по дорожке из осени, которую мы оставляем за собой, два праздника осени, два вестника осени, Сауин и Мабон...

Щелкают выстрелы.

Там, сзади.

Спешим.

Подгоняем лошадей.

Кони падают, подстреленные, спотыкаются о самих себя, – я выскакиваю из экипажа, помогаю Сауину выбраться, бежим прочь в заросли, оставляя за собой дорожку из осени...

Они найдут нас, говорю я себе...

...найдут...

Даже если побежим по воде реки, с рекой случится что-то такое, что сделает её осенней, и дело даже не в желтых листьях, и не в холодке, а в чем-то другом...

...в другом...

...к рассвету погоня стихает, огни фонарей остаются где-то там, там, в зарослях.

Останавливаемся, идем к дому, который наконец-о показался среди деревьев, я знал, что рано или поздно он встретился нам – наш дом, небольшой, в два этажа, диванчики у камина в холле, дверь в кухню и столовую спрятана под лестницей, кабинет на втором этаже, потайная лестница, ведущая в спальню в мансарде...

Мы останемся здесь надолго, говорит Сауин.

Надолго, говорю я.

Облетает листва, стучат по крыше капли осеннего дождя.

Стучат в дом.

Нет, не капли.

Мы открываем, мы смотрим на Йоль на пороге, зачем он несет пустую тыкву...

– Как это у вас.... – начинает он, – сладости или гадо-

сти, да?

Переглядываемся с Сауином, думаем, какую гадость ему подстроить.

– Пропали все, – продолжает Йоль, – мертвы. Я уже понимаю... мертвы.

Снова парирую, что Сауин тут не при чем, нечего клеветать на моего друга, если он стоит на границе двух миров, мира тепла и мира холода, так это еще не значит, что непременно замышляет что-то дурное...

Йоль соглашается.

Вечером мы все втроем обсуждаем, что делать дальше.

Сауин снова повторяет свое – обыскать лес.

Вечереет.

Ближе к полуночи расходимся спать.

– ...Мабон... да проснитесь же... Мабон...

– Да что такое...

Оторопело смотрю на Йоля, ну что такое, какого черта поднял меня среди ночи...

– Мабон... вам угрожает опасность...

Холодеет спина.

– Ч-что...

– ...Сауин...

– С ним что-то случилось?

– Уважаемый Мабон... с Сауином-то как раз ничего не случится, поверьте мне... чего нельзя сказать о нас с вами.

– А ч-что...

– Он хочет убить нас.

– К-кто...

– ...Сауин.

– Но...

– ...хочет убить.

Меня осеняет:

– Слушайте, вы хороши врать уже, Сауин никогда... ни в жизнь... Это вы... вы убили всех... оклеветали...

– Да... ну посмотрите...

– К-куда посмотреть?

– Вперед... вперед... да не вперед, а в-п-е-р-е-д...

– Но...

...друг мой, да неужели в ночь Сауина вы не можете заглянуть в будущее?

Осторожно смотрю туда, куда показал Йоль, еще не понимаю, что вижу там, в глубине веков, – где же Имболк, где же веселая Остара, где костры Белтейна, где... а где я сам подле Сауина – нету, нету, только черно-оранжевое торжество поздней осенью и огни Йоля в темноте зимней ночи.

– Это... это же...

Не договариваю.

Смотрю на Сауина, вот он стоит в распахнутой двери, смотрит оскаленным черепом, пустыми глазницами...

...целится из арбалета, еще не понимаю, куда, еще думаю, ошибка какая-то, ошиб...

...Йоль смотрит на то, что осталось от Мабона.

Круговорот разноцветных листьев.

Йоль настораживается, Йоль уже готовится защищаться от Сауина, но что-то подсказывает Йолю, что Сауин не будет нападать.

Не будет...

...Йоль оказался слишком сильным противником – я не смог одолеть его, и теперь проклятый Йоль будет настороже, слишком настороже, вряд ли получится уничтожить его...

Город без вероятности

– Вы лжете. Вы не были в Таймбурге.

– С чего вы взяли? Какого черта вы мне не верите?

– Ну-с, проверим... на чем вы ехали в Таймбург?

– Сейчас ждете, что я скажу, на автобусе, а вы скажете, что автобус еще не изобрели, не так ли? А если я скажу, что в экипаже, вы тут же ответите, что на дворе какой-то там век, и экипажи давно вышли из моды? Ну, так вот вам: я поехал в Таймбург на велосипеде. А если скажете, что велосипед еще не изобрели, я вам отвечу, что изобрел его сам. Съели?

– Погодите, еще нет... – обглаживает косточки аргумента, вскидывает голову, – какие города вы проезжали на своем пути?

– Букбург, Клокбург, э-э-э-э...

– А вот вы и попались! Вы не могли видеть эти города!

– Да как не мог видеть, когда вы на карту-то посмотрите, на карту, вот они, по пути в Таймбург!

– И все равно вы попались... потому что когда вы ехали, Клокбург еще не был построен, а от Букбурга остались одни руины, поросшие травой, и никто в жизни бы не сказал, не вспомнил, что это Букбург!

– Ну, уж, на Мунбурге вы меня не подловите, он существовал в это время...

– Существовал, я не спору... но был ли он в это время

на месте?

– А ч-что такое?

– А то такое. Как раз в тот день, когда вы, как уверяете, поехали в Таймбург, Мунбург отправился навестить соседнюю деревушку!

– Да ну...

– Ну да! Какие еще города вы видели?

– Дримбург. Точно Дримбург. Быть не может, чтобы не...

– ...и... и как же вы его увидели?

– Ну... я проезжал мимо, и он...

– И просто увидели, да?

– Ну, сделал несколько снимков...

– Покажите.

– Пожалуйста.

– Гхм... но ведь ни на одном снимке нет Дримбурга!

– Я и не говорил, что сделал снимки Дримбурга! Я просто сказал – сделал несколько снимков!

– Но вы видели Дримбург... просто видели Дримбург, да?

– Ну да, я...

– Вот тут вы и попали пальцем в небо! Вы хоть знаете, что дома Дримбурга вдоль дороги так просто не появляются? Что надо подождать, набраться терпения, повезет, не повезет, приманить дома – на ломтик сыра, на кусочек сахара, на имбирный пряник, в крайнем случае! Тогда они выйдут вдоль дороги, пугливые, осторожные, приоткроют ставни... если повезет, можно увидеть Дримбургский собор, ну а про

Дримбургский замок уже никто и не вспоминает, его не видели сотни лет, может, уже и руин не осталось... а вы говорите – проезжали и увидели!

– Ну... а если мне просто повезло? В конце концов, может мне раз в жизни повезти? Не все же мне покупать лотерейные билеты без выигрыша!

– Покупайте с выигрышем, кто вам не дает... лично я вообще покупаю отдельно выигрыш, без билетов, чего ради еще на билеты тратиться...

– Да повезло мне с Дримбургом, повезло, почему вы мне не верите?

– Ну... потому что бывают события, вероятность которых стремится к нулю...

– Ну, пусть себе стремится, что, событие не может случиться само по себе, без своей вероятности? Ну, отпустило событие вероятность к нулю или к кому там еще, а само в это время случилось. Надо же событию и вероятности иногда друг от друга отдохнуть?

– Какая была погода, когда вы ехали?

– Ну, сначала было лето, потом зима приударила, холодно так, я думал, задубею совсем... Потом снова лето, хорошо так...

– Да вы с ума сошли... вы хоть сами понимаете, что несете?

– Ну а что я могу сделать, если так оно и было?

– Лето, зима и...

– ...постойте, постоит!

Распахиваются двери, оно вбегает, взбалмошное, взъерошенное, само не свое, рыжее, знойное, веснушчатое, в цветах...

– Это я! Это я виновато!

– Вы...

– Я лето! Лето! Вы меня извините, пожалуйста... я отлучилось ну буквально на пару часиков... зиму попросило меня подменить...

– К-куда отлу...

– ...ой, ну там распродажа была, ну вы же понимаете, там бы все раскупили махом...

– ...он даже не спрашивает, чего распродажа, что она там себе прихватила, новые туфельки, или платьишко, или что там еще прихватывают, сережки какие, бусы... Просто выписывает штраф, как вам не стыдно, а еще лето, вы что должны делать, вы должны на посту быть, а вы что делаете, вы по магазинам... да еще и зиму вместо себя поставили, нет, я понимаю, ладно бы еще раннюю осень, или позднюю весну, но не зиму же! Не соглашались они, так и нечего было куда-то сбегать, выдумали тоже, зиму вместо себя...

– ...свободны.

– Вернемся к вам... так вот... не были вы ни в каком Таймбурге. Не были.

– С чего вы взяли?

– Элементарно. Вы сами-то посудите, думаете, Таймбург

кого попало к себе приглашает? Да этот город уже и не знает, как сделать, чтобы к нему никто не ходил, не беспокоил, не тревожил... Помню времена, когда Таймбург окружал себя крепостными стенами, лабиринтами с кипящей смолой, – и бесполезно, все равно находились безумцы, которые пробирались в город... И что вы думаете тогда сделал Таймбург?

– Ну... я бы на его месте устроился на неприступной скале...

– И это не помогло.... Нет, Таймбург поступил намного мудрее...

– И как же?

– Он окружил себя городками... маленькими, крошечными городишками, каждый из которых был просто очарователен... странник шел к Таймбургу, но на пути ему встречались дивные города – один за другим, один за другим, в каждом городе таилась поэзия, в каждом переулке – легенда, в каждом приоткрытом окне – увлекательная история на целую книгу. Рано или поздно путник забывал, куда и зачем он идет, спохватывался, когда видел себя с мольбертом возле какого-нибудь живописного особняка – но дело уже было сделано, Таймбург уберег себя! И вы бы не дошли до города, вы бы просто растворились в мириадах городков... Значит, вы не видели Таймбург!

– Видел... потому что не шел по дорогам до Таймбурга!

– Но...

– ...Таймбург сам пришел ко мне.

– Простите...

– ...он сам пришел ко мне в гости. За тысячи лет он слишком устал от одиночества, вы не представляете, как он был счастлив, когда узнал, что я его ищу! Он сказал, что не надо к нему идти, не надо его искать, он сам придет, в половине пятого, к чаю...

– Таймбург? К чаю? Уж не хотите ли вы сказать, что съели Таймбург к чаю?

– Ну а почему бы и нет? Кто сказал, что нельзя этого делать? В конце концов, кто вам мешает испечь новый Таймбург, если вам его так не хватает? Рецепт Таймбурга можете поискать в... ладно. Не об этом речь... главное, что я видел Таймбург!

– Вы лжете.

– К... какие вам еще нужны доказательства?

– Никаких. Вы лжете. Вы не видели Таймбург.

– Но по...

– ...потому что Таймбурга не существует.

– Но...

– ...не существует. Легенда, наваждение, не более того, смутный сон, который забылся поутру. Таймбурга нет и никогда не было. Так что вы пойманы на лжи... А что у нас полагается за ложь, вы знаете...

...хлопок выстрела.

...помертвевшая рука сжимает холодеющими пальцами кусочек недоеденного Таймбурга, который крошится на пар-

ket...

Вальс танцует чардаш

Поправляю камень.

Настраиваю.

Выжидаю.

Ничего не происходит – да ничего и не должно происходить, ведь еще не проснулась музыка...

Мелодия просыпается, потревоженная скрипками, вспархивает, разбуженная виолончелями, – оживляются пары, вертятся, раз-два-три, раз-два-три...

Настраиваю камень.

Вот теперь появляется он.

Вот сейчас.

И не в толпе, и не над толпой, а где-то вовне, и в то же время внутри – я вижу его то в хитросплетении чьих-то артерий, то над головами вальсирующих, то под самыми сводами зала, то у самых ног танцующих.

Камень смотрит.

Камень записывает.

Очищаю видео, чтобы не было ничего лишнего, – ни сверкающего зала, ни изгибов виолончелей, ни кружения пар – только он.

Вальс.

Закрепляю.

Проявляю.

Осторожно ставлю на полку в коллекции вальсов.

– Посмотрите... что я увидел-то...

– А... что такое?

– Да вот же...

Меня передергивает. Никогда не видел настолько чистого, незамутненного полонеза, с записи которого так идеально стерли малейшие намеки на то, что здесь когда-то были люди, танцующие танец, здесь был когда-то зал, в котором танцевали танец, здесь была когда-то музыка, под которую танцевали танец – ничего.

Ни-че-го.

Только полонез, чистый, нетронутый – полонез.

– Вы... как вам это удалось?

– Это-то самое интересное... вы думаете... очищал?

– Ну...

– ...ошибаетесь. Я не чистил это видео.

– Вы не...

– ...не чистил.

– Но...

– ...оно такое и было.

– Но... уж не хотите ли вы сказать... что на видео не было... танцующих?

– Не было.

– Но...

– ...только полонез. Сам по себе.

– Но...

– Я сам не поверил себе, когда увидел, я думал, это безумие какое-то, наваждение... нет, ничего подобного, все так и есть...

– Так и есть? Полонез... танцующий сам себя?

– Даже не танцующий... просто... существующей сам по себе.

– Я знаете, что заметил...

– А что такое?

– А вот посмотрите... чем дальше в будущее... тем больше вижу вот таких танцев, которые сами по себе... без людей...

– М-м-м... размножаются?

– Да нет, тут, мне кажется, другое...

– Что... другое?

– Ну... такое впечатление, что больше некому танцевать танцы...

Стараюсь подхватить, что в будущем у людей могут быть другие заботы, уже не до танцев им будет...

Хочу ответить так.

Не отвечаю.

Что-то подсказывает мне, что не все так просто...

Не все...

– А вот это что может быть?

– Г-где?

– Да вот же!

Хочу ответить – вальс, не отвечаю, хочу сказать – чардаш,

тоже не отвечаю, потому что это не то и не другое, вернее, и то, и другое вместе взятое.

И снова танец сам по себе.

Без людей.

Хлопаю себя по лбу.

Понимаю – осененный.

– Это же... это же... слушайте, они размножаются!

– К-кто?

– Танцы, кто... был чардаш, был вальс... встретились, станцевали друг с другом... и вот вам...

– Думаете, – он смотрит на меня, он сомневается, – нет, кажется, тут другое что-то... другое...

– А знаете... я понял.

Смотрю на него, уже не сомневаюсь – он знает.

Знает...

– Просто... некому танцевать танцы, мы это уже поняли, да?

– Ну... и?

– Ну и вот... танцы сами друг друга танцуют... по очереди... сегодня чардаш станцует вальс, завтра вальс станцует чардаш...

Оторопело смотрю на него, в жизни не думал, что все так просто.

– Понять бы еще... – он смотрит в темноту подступающей ночи, – почему их никто не танцует...

– ...ает...

– А?

– Да давай же скорее, умирает он!

– К-кто?

– Да танго же, танго!

– К-какое манго?

– Да не манго, а танго же!

– И...

– ...умирает.

Вываливаюсь из спальни, смотрю на нечто, в чем с трудом узнаю танго, отчаянно думаю, чем мы можем ему помочь. Вспоминаю, когда я последний раз занимался музыкой, сам себе отвечаю – никогда, и что-то подсказывает мне, что есть только один шанс...

...только один...

– Мы должны танцевать, – говорит он.

Меня передергивает.

– Ты из ума выжил, или как? Сказанул тоже...

– Ну а что предлагаешь? Смотреть, как оно умирает?

Так, да?

Протягиваю руки. Осторожно. Бережно. Касаюсь умирающего танго.

Обнимаю что-то бесплотное, невесомое.

Отчаянно пытаюсь припомнить движения танца – танго само подсказывает мне, так, так, так, так...

Крепче... крепче...

Танго оживает, вспыхивает, расправляет крылья.

Кланяется.

Благодарит.

Спрашиваю.

То, что хотел спросить с самого начала:

– А... а почему вы друг друга танцуете? Там... впереди? –
неумело показываю в будущее, – больше вас не танцует ни-
кто, или... или...

Не договариваю, что – или.

Не договариваю...

Василиск, которого нет

– Вздор.

Я уже знал, что они это скажут —

– Вздор.

Вот так, ни больше, ни меньше.

– Вздор.

И вскинут ружья.

Жуткое такое чувство, поганенькое такое, это не я, это не я, это не со мной...

С трудом выжимаю из себя слова:

– Я... могу доказать...

– Уж не собираетесь ли вы продемонстрировать нам живого Василиска? – офицер смотрит на меня с презрением.

Мотаю головой:

– Не собираюсь.

– Так что же вы...

– ...я могу показать вам доказательства... что он здесь был.

– Здесь? – в голосе офицера первый раз проскальзывают тревожные нотки, – в городе?

– К счастью, не в городе... только на окраине... драконы не дали ему пройти...

– Позвольте, как они могли не дать пройти, если они бесследно пропали?

– Не пропали... они... впрочем, пойдёмте, и вы сами все увидите...

Веду их по улицам Лондинуума, дальше, дальше, замираю на набережной.

– Вот... смотрите...

Офицеры оторопело смотрят на каменное изваяние, не понимают, что я, собственно, показываю.

– Это... что вы...

– ...то, что осталось от вашего дракона... уж не знаю, какого по счёту... по имени...

– Но... но это же...

Договариваю:

– Камень.

– Но...

– ...здесь был василиск... здесь... у городских ворот...

– У этих ворот?

– Не только у этих... готов поклясться, он был у всех врат... у всех восьми врат города...

– Откуда вы знаете? Вы видели?

В меня снова целятся.

– Не видел. Но знаю.

– Но... поче...

– ...они все окаменели... понимаете... все! Я проверял... Я обходил посты... они все... все...

– Чудовищно... – выдыхает офицер, опускает оружие, – вы думаете... он... вернется?

– Васи...

– ...чш-ш, не говорите этого страшного слова...

...драконы...

...вспоминаю крылатых ящеров, которые охраняли город, сидели у врат, закованные в стальные ошейники...

...я учил их обороняться щитом...

...я учил их отдавать честь...

– ...Вер ар ю фром? – спрашивал я.

Они отвечали.

Неумело пытался повторить непривычное для нашего слуха название.

– А там как? – спрашиваю я.

Они рассказывают.

Я знаю, что драконы воют по ночам.

Я знаю...

...прислушиваюсь к шорохам ночи за окнами, к шелесту дождя.

Он не придет.

Не прилетит.

Не...

...еще много-много всяких не.

Василиска не будет.

Просто.

Не будет.

Я говорю себе так – я сам не верю в то, что говорю, почему чашка дрожит в моей руке, почему я поворачиваю кресло

спиной к стене, почему смотрю в полумрак коридора, почему разглядываю каждую тень на стене, вздрагиваю от шороха занавесок, от стука в дверь...

...показалось.

Нет.

Не показалось.

Стучат.

Смотрю на офицера, думаю, что лучше ответить, к вашим услугам, или имею честь...

– Разрешите осмотреть ваш подвал.

Вот так. Ни здравствуйте, ни про погоду, ни про что.

Понимаю, что не могу сказать – не разрешаю. Открываю узехонькую дверь, веду гостя в темноту, бормочу что-то, сейчас свет найду, этот выключатель еще поискать надо...

– Глина, – офицер щелкает фонариком.

– Глина, – киваю я.

– Вы что... скульптурой увлекаетесь?

Киваю.

Есть такое.

– Так я и думал...

– Почему... думали?

– А вы на ногти на свои посмотрите.

Меня передергивает, заливаюсь краской, чер-рр – рт, надо же было так...

Я так понимаю, драконы...

...не договаривает.

Смотрю в почтовый ящик.

Почему-то надеюсь получить от них весточку.

Хотя знаю – не получу...

– ...слышали, Василиск-то опять сегодня...

– А? – оторопело смотрю на булочника.

– Да василиск, говорю, ночью сегодня объявился...

– Видели?

– Да кто ж его видел, он же в камень обращает! Сегодня на площади офицера нашли окаменевшего... Жуть такая, глаза навывкате, что-то страшное углядел...

Меня передергивает. Еле-еле начинаю приходить в себя, ну еще бы, полночи не спал, потом кое-как продрал глаза в три часа пополудни, разбуженный колоколом на башне...

– Ужас какой... – еле выжимаю из себя, набираю корзину кренделей к чаю.

– Этот-то, говорят, офицера резать собрался...

– Кто этот?

– Да этот этот... следовательно там какой-то... Картман, кажется...

Киваю.

– Вот, говорят, разрезал, а там внутри нет ничего, ни сердца, ни легких... вот он и думает теперь...

Молчу. Думаю, что скоро окаменевших фигур станет больше...

Не наша память

Хочу увидеть, как я родился.

Не успеваю.

Хочу хотя бы увидеть, как встретились мои родители – на этот раз смотрю пристальнее, внимательнее – все равно не успеваю, еле-еле вижу краешком глаза, как мой отец бросает в лужу палки...

Ты не так смотришь... не так...

Гедда лучше знает, как смотреть, Гедда умная, Гедда показывает мне – не понимаю, снова не понимаю, и еще раз не понимаю, и уже когда отчаиваюсь что-нибудь понять – до меня доходит, как надо смотреть, чтобы увидеть во всех направлениях.

Молчу.

Все равно не вижу, как встретились мои родители, мне кажется, они были вместе всегда, с того момента, как вместе бросали в лужу палки, а то и раньше...

Хочу увидеть самого себя, например, в тот момент, когда не сказал Гедде, что люблю её – снова смотрю и не нахожу, снова хочу спросить у Гедды, где этот момент, снова не спрашиваю – ищу сам, давай же, давай...

...нет....

...как будто его и не было никогда...

...никогда...

...не было...

И меня самого как будто тоже никогда не было в бесконечном потоке прошлого, напрасно смотрю тропинку за тропинкой, дорожку за дорожкой, по которым ходил до школы, здесь вот дрался с бандой Сысого, помню день в день, час в час, – нет, ничего, Сысой идет со своей бандой, а меня нет, нет...

Хочу спросить у Гедды – почему так.

Не спрашиваю.

Хочу спросить у Гедды, живые мы еще или уже мертвые – тоже не спрашиваю.

Мне кажется, она не знает.

Не знает.

Я хочу отвлечь внимание Гедды от пятнадцатого сентября – отвлечь любой ценой, нц пцсть даже не от всего пятнадцатого, хотя бы от трех часов пополудни, когда все случилось. Не успеваю, не могу – Гедда видит, Гедда смотрит, я еще надеялся, – отвернется, закричит – нет, нет. Пристально смотрит, я бы даже сказал – с интересом...

– Значит... значит, я...

Она хочет сказать – умерла, она не договаривает.

Не выдерживаю:

– А я? А мы все?

Хочу спросить, что будет с нами, когда мы вытянемся в бесконечные спирали – не спрашиваю.

Я все равно не могу увидеть прошлое от и до, стоит мне

зацепиться за прошлое – и взгляд сам тянется в бесконечность, дальше, дальше, дальше...

...я жду.

Я жду, когда пришлые начнут строить города.

Время отматывается бесконечно назад, я вижу пришлых – за какие-то ничтожные годы до того, как они придут на нашу землю – или наоборот, уйдут с нашей земли, так будет правильнее, когда смотришь в прошлое? – но города все так же стоят на побережьях, гордые и величественные.

Города...

...все так же...

...стоят...

Наконец-то я вижу – вижу, как пришлые возводят города из руин, из пепла, я вижу уникальные технологии, высочайшее мастерство, как пришлый одним ударом камня собирает из осколков окно...

...собирает...

...стоп...

...я смотрю, я не понимаю, вернее – понимаю, но не хочу понимать...

...пришлые уходят, оставляют после себя величественные города – уже без намека на руины, и то, что когда-то лежало в обломках, теперь возвышается во всей красе.

Я хочу снова посмотреть на пришлых – и снова не могу, время тянет меня дальше, дальше, дальше, города сжимаются, становятся все скромнее, ниже, меньше, вот уже малень-

кие деревушки ютятся там, где были дворцовые площади...

Я спрашиваю – почему все не так, как нам рассказывали – спрашиваю никого, в никуда, уже знаю, что мне не ответят.

Хватаюсь за единственное, что мне еще понятно, за настоящее – если в этом обезумевшем мире еще есть какое-то настоящее. День, когда небо стало черным. День, когда черное небо потянуло на себя землю. День, когда мы прыгали в поле – выше, выше, взлетали до верхушек тополей. Я говорю – мы, потому что рядом была Гедда, я даже не удивился, что рядом была Гедда – была по-настоящему, не во сне, не в мыслях, а вот так.

Понимаю, что даже это воспоминание о настоящем не вернет мне душевного покоя, что горизонт, который лихо закручивается в спираль, – не лучшая картинка, чтобы успокоиться.

Смотрю вперед – не вперед, а вперед. Почему я вижу будущее, спрашиваю я себя, я не должен его видеть, его уже не будет – после того, что случилось, случится, случается сейчас. Почему я вижу, как мы с копьями и пиками бросаемся на пришлых, почему я вижу, как наш народ гонит пришлых, почему я вижу самого себя, рассекающего горло Гедде, почему пришедшая, как пришедшая, почему я её... она же еще пятнадцатого сентября... тогда... почему... почему...

Не проходящий врата

Он сведет меня с ума.

Он.

Я даже не знаю его имени – ведь он так и не показал мне пропуск. Иногда мне кажется, что у него нет имени, ведь у мертвых не бывает имен.

У мертвых...

С чего я решил, что он мертвый...

С того, с чего...

.

– Пропуск ваш.

Нет, не так, сначала было:

– Здравствуйте.

Когда он пришел и сказал вот так:

– Здравствуйте.

А потом уже:

– Пропуск ваш.

Он беспомощно разводит руками, человек в странных одеждах:

– А у меня... нет...

Закрываю врата.

– На нет и суда нет.

Посмеиваюсь сам себе, раньше перебежчики были куда ловчее и изворотливее, прятались под тележками, среди

мешков с мукой, подделывали пропуска, да так ловко, что уже и не знаешь, в каком спектре смотреть, чтобы увидеть подлог...

А тут просто.

– А у меня... нет.

На что надеялся, думаю, на что надеялся. Особенно сейчас, когда нет бесконечного потока идущих, где толком и проверить не успеваешь, только хлопаешь штампики, особенно сейчас, когда людей нет уже...

...уже...

.

...думаю, сколько уже не было ни одного человека.

День.

Неделю.

Месяц.

Почему-то кажется – дольше, но это полная ерунда про дольше, так что скорее всего, что-то около недели.

Не сезон, говорю я себе.

Не сезон.

.

Он мертвый, говорю я себе.

Мертвый.

Потому что.

Живые так не делают.

– Как... черт возьми, как это вам удалось?

Он улыбается. И молчит. Ему нравится, что он так ловко

провел меня, вот ведь черт...

– Как, черт возьми?

Я готов присягнуть, что он не проходил через ворота.

Не проходил.

И все-таки он пришел с другой стороны.

С другой.

Стороны.

Туннеля.

.

– Здравствуйте.

Снова смотрю на него по эту сторону туннеля. Снова спрашиваю:

– Пропуск?

– А у меня нет.

Закрываю ворота, – он покорно отступает назад.

– Давно работаете?

Строго смотрю на него, в странных одеждах:

– На личные вопросы не отвечаю.

Он снова пожимает плечами.

– А как вообще пропуск выглядит-то?

Догадываюсь:

– Подделать хотите?

– Да ну вас...

.

Сегодня он пришел с той стороны.

Вчера с этой.

Он чередует, он будто издевается надо мной.

И говорит:

– Здравствуйте.

.

Не выдерживаю:

– Как вы ходите через море?

Снова тихий смешок.

И молчание.

.

Хватаюсь за соломинку, за какие-то воспоминания, привычные мне.

Остров, говорю я себе.

Крепость, говорю я себе.

Крепость, окруженная волнами студеного моря.

Туннель, говорю я себе.

Туннель, прорытый веками и веками, хотя другие легенды говорят – людьми.

Врата.

Грифон и Центавр на вратах.

Крепость.

Неприступная крепость.

.

Сегодня я попросил его всегда приходить со стороны континента, а не острова. Он смеялся. Но пообещал.

Снова хотел спросить у него, как так.

Снова не спросил.

.
Никто не может двигаться по воде, говорю я.
Никто не может обойти туннель, говорю я.
Никто.

.
– Какой сейчас год?

– Простите?

Смотрю на него, не понимаю.

– Какой. Сейчас. Год.

Называю год.

Он кивает.

Бормочет что-то про семь тысяч лет.

Уходит.

.
Успокоиться.

Пересчитать запасы.

Пересчитать.

Пере...

...оторопело смотрю на пустые полки, пустые сундуки.

Послать запрос на базу, говорю я себе.

Послать запрос на базу.

.
Говорить с ними про туннель.

Не забыть.

Говорить с ними про туннель.

Смотрю на это – не забыть, говорю сидящим передо мной:

– Туннель.

Они вопросительно смотрят, что туннель, почему туннель, какой туннель, зачем туннель.

– Туннель... нельзя его... подрывать.

Я думаю – надо объяснить, почему нельзя, надо втолковать, надо приводить доводы, про него, про этого, который там... там... слова куда-то теряются, какие здесь вообще могут быть слова, люди смотрят на меня бесцветными глазами, люди не поймут, не захотят понять...

– Туннель, – повторяю я, сам не знаю, зачем.

– Рухнет со дня на день.

– А?

Нет, я этого не говорю, у меня даже не хватает сил на это вот – А.

– Рухнет.

– Так вы не собираетесь... взрывать...

– ...собираемся.

– Но...

– ...а то кто его знает, или еще лет двадцать простоит, или сейчас рухнет... люди туда полезут, ребяташки...

– Он их не пустит.

Уже жду вопросов, кто – он.

Ну, с той стороны полезут... со стороны острова...

Вздрагиваю.

Даже не спрашиваю их, откуда они знают.

Говорю то, что хочу успеть сделать до того, как своды тун-

неля рухнут.

Мотают головами:

И речи быть не может.

Не вздумайте даже.

.

– Уважаемые туристы, наверное, вас уже смутило название нашего городка – Остров? Какой же остров может быть в чистом поле? Как вы думаете, с чем это связано?

– Тут острое едят, вот и остров!

Смех.

– Ось какая-нибудь... травяная!

Смех.

– И снова мимо. Ну, давайте я вам подскажу немножко, вот сами смотрите, времена текут, меняются, горы и те не стоят на месте, и моря...

– А-а-а, ясно!

.

Он снова приходит со стороны острова.

Со стороны крепости.

Он ходит по туннелю, он ищет что-то с палкой, похожей на колдовской посох, ищет, не находит...

– Сюда нельзя, – напоминаю я у врат.

– А.... да... да...

Он обшаривает землю до самых врат. Снова уходит куда-то – на остров.

Мне становится страшно.

Я снова спрашиваю себя – да человек ли это.

Человек не ходит по морю.

Человек не может пересечь море.

Человек или там, или здесь, а чтобы перейти из там в здесь, нужно пересечь врата.

По-прежнему не знаю его имени.

Да может ли быть имя у того, кто не пересекает врата...

Снова хочу послать запрос в Крепость.

Спросить про еду.

Спрашиваю себя, когда я ел последний раз.

Не помню.

Считаю дни, путаюсь, сбиваюсь, говорю себе, что если бы не ел столько дней, давно бы умер.

Что происходит, спрашиваю я в пустоту.

Пустота не дает ответа.

Он приходит со стороны континента.

Он снова ищет что-то в пустоте земли.

Он роет землю.

Здесь.

У самых врат.

Здесь нельзя, говорю я.

Он делает вид, что не слышит.

Роет землю.

Ищет.

Ищет...

...не выдерживаю:

– Ни с места!

Вздрагиваю – когда из земли показываются полуистлевшие кости.

Чер-р-рт....

Он осторожно обметает веничком песок, вытаскивает то, что осталось от черепа, вынимает из земли позвонок за позвонком...

– Это... это в полицию надо...

Сам пугаюсь своего голоса.

Он складывает останки в корзину.

Уходит.

Туда, в сторону континента.

– Стойте... – срываюсь на крик, – стойте!

Иду за ним. Вот это я хорошо понимаю, что я не хочу идти за ним, не хочу, какого черта, я должен быть здесь, здесь, у врат, я не должен идти за ним – и ничего не могу поделать....

Он спешит, прислушивается к шорохам вокруг. Еле сдерживается, чтобы не бежать.

– Стойте... да стойте же! Вы... вы арестова...

Мелкие камушки бегут по стенам, мелкий песок...

Нарушитель бежит.

Уже и сам понимаю, что надо бежать, что туннель дрожит, рушится, доживает последние секунды...

...смотрю на то место во дворе крепости, где теперь закопаны кости.

В который раз пытаюсь покинуть крепость.

В который раз не могу.

В который раз поднимаюсь на крепостную стену, чтобы увидеть бескрайнее море.

В который раз – не вижу.

Нет, так-то мне хорошо, они говорили что-то про заслуженный отдых и пенсию от Крепости. И особенно хорошо от осознания того, что туннель рухнул, и ни один враг больше не проникнет сюда.

Приходят люди, говорят что-то про города на континенте, я не понимаю – зачем говорят.

Приходят люди с темными глазами, не понимаю, откуда они здесь – в крепости.

У него тоже темные глаза.

Так и не знаю его имя.

По вечерам играем в картматы.

Иногда проходим мимо того места на дворе, где теперь закопаны кости.

Там есть еще одно надгробие.

Иногда он спрашивает меня – что это. Я аккуратно перевожу разговор на другую тему.

Начал замечать, что он тоже ловко меняет тему, когда я спрашиваю, почему за крепостной стеной не видно моря...

Не мертвая

Она живая, говорит Дэн.

Она живая, вторю я за Дэном.

Не хочу спорить, просто не хочу возражать.

Отступаем назад. Бережно-бережно, шепотом-шепотом, похрустывают ветки под ногами, черр-ррт, она слышит нас, она разворачивается, она подкрадывается.

Отступаем.

Дэн шепчет, не смотри ей в глаза, не смотри, не слушай, не слушай, не слушай, что она говорит, не слушай...

Пригибаем головы.

Бежим в заросли леса, скорей, скорей, лес ставит подножки, лес хватает за ноги, лес не пускает.

Вырываемся из чащоб, ветви хлещут по лицу – только когда вдалеке проклевываются огоньки домов, я перевожу дух.

Переглядываемся с Дэном.

Хотим спросить у самих себя, что это было

Начинаю:

– Она была жи...

...Дэн обрывает меня, не дает договорить.

Уже когда добираемся по шуршащей листве до первых фонарей у леса, уже когда чуем тепло очагов, Дэн говорит в пустоту:

– Ничего не было.

Киваю:

– Не было.

– Совсем ничего.

Киваю:

– Ничего-ничего.

И надо обернуться, и страшно обернуться, и домой, бегом-бегом-бегом...

Я жду.

Я даже приглушаю пламя в камине, она не любит пламя.

Я жду.

Она придет.

Я знаю.

Придет.

Она появляется без пяти минут полночь – появляется мертвая, ну, еще бы не мертвая, когда это видано, чтобы она была живая. Я вижу её – мертвую, сшитую из кусочков.

Мне не страшно.

Я опускаюсь на колени.

Я задаю свой вопрос.

Она думает.

Она подбирает ответ.

Наконец – отвечает.

Я сомневаюсь – и в то же время запрещаю себе сомневаться, ведь она не может сказать неправду.

Я поправляю её – готовую развалиться на части – я скрепляю швы...

Я покажу её тебе, говорит мне Салли.

Я обнимаю Салли.

Думаю, что если кто-то узнает, что мы встречаемся, нас казнят.

Думаю, кто казнит – мои или её.

Я тебе её покажу, говорит Салли. Хочешь?

Хочу, говорю я.

Она мертвая, говорит Салли.

Знаю, говорю я.

– Откуда?

– Ну как же... наша тоже мертвая. Все они мертвые... Мне Дэн показывал, у них тоже мертвая в деревне...

Кулаки сжимаются сами собой:

– Это что за Дэн?

– Да ну, дурак он...

– А про меня потом тоже скажешь, что дурак?

– Да ну тебя совсем... Пойдешь ты посмотреть?

Иду посмотреть. На неё, которую хочет показать мне Салли.

Она действительно мертвая, ну еще бы она была живая, они живые не бывают.

Задаю вопрос.

Просто так.

Проверить.

Она отвечает.

Вздрагиваю.

Наша бы так не ответила.

Ну, на то она и есть не наша, чтобы не так отвечать....

...иду домой.

Через лес.

Салли, говорю себе, Салли. Если бы не Салли, в жизни бы не поперся туда, в глухую деревушку, в жизни бы не поперся назад по бездорожью, по беспросветью леса...

...замираю.

Вижу его.

Здесь.

В двух шагах.

Совсем рядом.

Говорю цитату, обрываю на полуслове.

...он дополняет.

Отлегло от сердца, понимаю – наш.

Протягиваю руку.

Называю свое имя.

Он отвечает:

– Дэн.

Идем через глушь леса, что-то не нравится мне, что-то настораживает, что-то...

Начинаю еще одну цитату.

Не договариваю.

Жду.

Дэн отвечает – но отвечает совсем не то, что я ожидаю услышать.

Совсем не то.

Успокоиться, говорю я себе.

Не подавать вида, говорю я себе.

Я успею заколоть его.

Сейчас.

Или, еще нет, не сейчас.

Лес обступает со всех сторон.

Наваливается.

Подкрадывается.

Вот тогда-то мы видим её.

Она живая, говорит Дэн.

Она живая, вторю я за Дэном.

Не хочу спорить, просто не хочу возражать.

Отступаем назад. Бережно-бережно, шепотом-шепотом...

...Захлопываю за собой дверь.

Не сразу понимаю, что все семейство в сборе, что все смотрят на меня, не сразу понимаю, что тут делает книгочей, зачем он положил руку на мертвую книгу...

– ...что... что ты им рассказал? – Салли кричит мне в лицо, кричит во весь голос.

– Да я им про книгу рассказал.... Мы с Дэном живую книгу видели, ты прикинь, а? Живую!

– Да ты хоть понимаешь, что это значит вообще? Ты хоть понимаешь, что лучше бы миллион раз рассказал, что со мной встречался, и с Дэном подружился...

– ...да не подружались мы...

– ...ну все равно... им же... им же книга эта живая... как красная тряпка на быка...

– Но почему? Почему?

Салли снова хочет вспыхнуть, рассердиться, тут же давится словами, понимаю, сама ничего не знает.

– Ну... э... Ну то мертвые книги, а то живая...

– И... и что?

– Ну, где ты видел, чтобы книга живая была? Вот они и перебесились все...

...потрескивают угли костра, пляшут тени на ветках деревьев.

– А я что заметил... – Дэн настораживается, смотрит в чашу, – эта... Которая живая... На ней ни одного шва не было, ни одного разреза. Она... целая была...

– Ой, да молчи уже!

– А... а что такое?

– Да что... а если сюда явится?

Смотрим на хитросплетение зарослей, оглядываемся – что-то подсказывает мне, что она рядом, совсем рядом, она уже видит нас...

Думаю, о чем я её спрошу...

И что она мне ответит...

Голод о городе

Меж этими событиями нет никакой связи...

...или есть?

Он спешит, он торопится, он боится не успеть – и даже нет, даже не так, он знает, что не успеет – но все-таки бежит, надеется непонятно на что. Он крутит педали, он подгоняет старенький байк – откуда-то прицепилось это слово к велосипедной цепи – байк, и не оторвешь. Он торопится, он смотрит в темноту подступающей ночи. Знать бы, сколько осталось – но этого никто не скажет.

Успеть.

Любой ценой.

Успеть.

Хотя бы увидеть огни далекого города в серых осенних сумерках, хоть бы последний проблеск заката на высоком шпиле. Холод окутывает, холод оковывает тело, но это не первые заморозки октября, это что-то другое...

Путник догадывается.

Вот оно, началось.

Земля вырывается, выпрыгивает из-под колес, её придется придерживать ногами, потом и руками тоже.

Ползти.

До города, до которого он не успеет добраться.

Поднимает голову.

Просто так.

А вдруг.

...откуда...

...откуда мостовая в свете фонаря, откуда вывеска како-го-то уже закрытого на ночь кафе, откуда, откуда...

...неважно.

Он смотрит, жадно впитывает каждый штрих, каждый вдох, каждое мгновение незнакомого города, в изнеможении опускается на скамейку, понимает...

...он спасен...

Между этими событиями нет никакой связи...

...или есть?

– Ну а теперь, может, будете так любезны, объясните нам, как это остановить?

– Никак не остановить.

– И что... вас не смущают сорок восемь умерших?

– Сорок восемь? Нехило.

– И вас не пугает эта цифра?

– Очень пугает.

– И, тем не менее, вы отказываетесь что-то делать?

– Я этого не говорил. Я сказал так – я уже не в силах изменить что-то...

Эти события никак не связаны меж собой...

– ...цель приезда?

– Туризм (спокойно, спокойно, спокойно).

– На сколько дней вы едете?

(Навсегда).

– На пять дней.

– Что-то мало...

(рушится мир)

– Ну... насколько денег хватило...

– Где гарантия, что вы вернетесь по истечению указанного срока?

– Ну... вот обратные билеты... и...

– Вашу руку, пожалуйста.

– Это что... ай-й-й-черр-р – р-рт...

– Все, все хорошо... ступайте... Приятных вам впечатлений... хорошей поездки...

Бежать. Бежать. Прямо здесь, прямо сейчас, вежливо раскланяться перед пограничниками, и на улицу, и такси, такси, как там по-ихнему, сколько стоит, не знаю, а вы мне на бумажке напишите, спасибо, спасибо, да-да, в столицу, скорее...

Бежать.

Бежать.

Навсегда.

Затеряться так, чтобы не найти самого себя.

...посмотреть на календарь.

Почему так сжимается сердце, почему так тревожно, почему хочется бежать назад, так бывало, когда школу прогуливал, и вроде сказал себе – не пойду, вот не пойду, и все тут, а все равно тянет что-то, надо, надо идти...

Нет.

Сжать кулаки, сказать себе – нет.

И еще раз – нет.

Кто-то из местных бормочет по-своему, да ты не бойсь, не будут искать...

...искать...

...вот теперь искать хоть какую-то работу, хоть собирать опавшие звезды, хоть чистить луну, хотя, говорят, там без страховки, без тросов, прямо вот так. Или замешивать тесто из лунной пыли. Или... да много есть всяких или, разберемся на месте, искать, искать...

Выйти на улицу, споткнуться на ровном месте, сказать спасибо фонарю, который подхватил под локоть, посмотреть на свои руки, почему они тают, почему, почему, почему перехватывает дыхание, почему я теряю самого себя, я не это имел в виду, когда говорил – хочу потеряться...

И эти события тоже никак не связаны...

Сегодня последний день – говорит Бетти.

Последний день, – вторят остальные.

Ждут сопровождающего.

Волнуются.

Сердятся.

Ну, еще бы, последний день, а он не идет.

Город окружает, город обступает со всех сторон, город, который еще недавно был таким желанным, таким бесценным, город, от которого теперь хочется бежать, бежать...

Появляется сопровождающий, бормочет какие-то извинения, люди сердятся, люди хлопают крыльям, кудах-тах-тах, мы из-за вас тут чуть не погибли...

...садутся в автобус.

Спешат.

Гид успокаивает, сегодня же вечером будем в Букбурге, все хорошо будет...

Едут.

Кто-то хватается за горло, кого-то одергивают, хорош придуриваться, ничего с тобой за пять минут не случится...

...или связаны?

Въезжают в Букбург.

Переводят дух, живы остались, живы...

– Ма, а ка-да домой...

– Да погоди ты со своим домой, ты посмотри, красотища какая, Букбург же!

– Ма, а да-мой?

– Да погоди ты про домой, вкусностей хочешь?

– Ма, а да-мой! Да-мой!

– Ну, пошли, пошли домой, горюшко ты мое...

– Ма, а не в гостинцы, а да-мой!

– Да не в гостинцы, а гостиница это называется, гостиница! Вот это сегодня дом наш будет.

– Ма-а-а-а-а-а!

– Да что ты в самом-то деле, с ума меня сведешь!

– Ну что вы так на него... ну не понимает он...

– Да? Я вот тоже не понимаю, какого черта это всё! Я вот тоже на такое, блин, не подписывалась!

– Да успокойтесь вы, мы тут сами все на грани нервного срыва!

– А что поделывать, попали так попали...

...эти события не могут быть связаны...

...или могут?

– Пропустите... пропустите их скорее!

– Да куда вне очереди-то?

– Да как вы не понимаете, туристы они, ту-рис-ты!

– Да здесь все туристы, что теперь, помирать всем?

– Да, вот так незадача... ну черт с вами проезжайте, что поделывать-то...

– Да стойте, куда вы их, а если не туристы никакие?

– А тебе надо, чтобы они тут на границе кони двинули?

– К-какие кони?

– Да ну тебя нафиг...

Между этими событиями...

– Так он теперь в международном розыске?

– Ну, разумеется.

– Н-да-а, хотел с миграцией бороться, и чем кончилось...

– Да поговаривают, он и не с миграцией бороться хотел, а половину человечества уничтожить... не нравятся ему, видите ли, эти, которые не из наших краев...

– Да нет, тут, говорят, другое...

– Да говорят, поймали его уже...

– Да какое поймали, бежал, как пить дать, бежал!

– Да не было его вообще никогда!

...разное время, разные дни, разные места – ничего общего...

Он спешит, он торопится, он боится не успеть, он крутит педали своего байка, он видит стены города далеко впереди. В изнеможении останавливается, стучит в ворота, хмурый стражник отрицательно качает головой.

– Но вы поймите... я... турист...

– Ну, вы нас тоже поймите, у нас туристов за сегодня знаете, сколько было?

– Но.... Но не умирать же мне теперь!

– Ну, вы нас тоже поймите, городу-то нашему тоже не умирать!

– Да что вы... что вы... – турист пятится назад, – я же... я же ничего плохого... я же... что я вам там, стекла перебыю, что ли, или сожгу там чего... да не террорист же я в самом-то деле...

– Да вы не понимаете, – отмахивается стражник, – город-то он тоже много туристов выдержать не может... тоже восстановиться надо...

– Ну что мы там, намусорим, что ли, мостовые истопчем...

– ...да вы же его пожирате!

– А...

– ...взглядами своими пожирате, обгладываете дочиста,

так от города вообще ничего не останется!

Турист понимает, туриста прошибает холодный пот. Он уже понимает, что бесполезно просить, он все-таки просит – сам не знает, зачем, ну пожалуйста, ну я всего-то ненадолго, ну что тут с меня с одного будет, с одного-единственного...

Стражник вскидывает самострел.

Турист понимает.

Снова прыгает в седло байка, снова спешит...

...никакой связи...

– ...как вам это удалось?

– Ч-что удалось?

– Вы заночевали в городе.

– А... разве это незаконно?

– Отчего же незаконно...

– За гостиницу я заплатил, могу чеки показать... Меня за что арестовали-то вообще?

– Да как вы не понимаете... где вы нашли город?

– Да ё-моё, разве я вспомню сейчас...

– А вы хоть понимаете, что там, где вы были, раньше не было никакого города?

– Ну... так нигде раньше не было никаких городов...

– Нет, вы не поняли... города не было, пока вы там не появились.

– Да ну?

– Ну, да... так как вы сделали... что появился город?

– Ну... да вы понимаете, я помирал совсем, помирал, ну4

что мне делать-то было? Ну что я, убил кого-то, что ли?

– Да нет... мы вас спрашиваем, КАК вы это сделали?

– Ну... знаете... жить захочешь, не так раскорячишься...

– А если вас еще раз в чистое поле выпустить, вы снова город сделаете?

– Ой, увольте...

– Ну, ведь сделаете же?

– А если не получится ничего, если сдохну там?

– Да получится.

– Нет... даже не просите. Категорически, еще не хватало...

...ничего общего между событиями...

– ...ой, все-то вам объяснять надо... Машину ему выдайте, навигатор... и пусть едет... в чистом поле окажется, спохватится...

...совсем другие события...

...собираем ужин, несем гиду, еще волнуемся, понравится, или нет. Сегодня у нас новый гид, кто его знает, какой он будет, старый-то злой был, как черт, чуть что не по нему, давай орать, что насильно никого не держит...

Но этот-то вроде ничего. И города у него хорошие получаются, сказочные города, причудливые фантасмагории. Старики, правда, ворчат, что раньше-то лучше было, и спокойнее, и города были понятнее, и фонари на крыльях не летали, и дома не разговаривали, и улицы с места на место не бегали. А тут нате вам, то на деревьях луны вырастут, так мало того,

что луны, так их еще и есть можно, как сыр. Или окорока на ветках вырастут, или еще что. Молодежь, ясное дело, радуется, ну еще бы, а вот старики они осторожничают...

...и это совсем другое событие, которое не относится к...

Гнать.

Во весь опор.

Спотыкаться.

Падать.

Снова гнать.

Снова падать.

Еще лелеять какую-то надежду вернуться назад, подобрать то, что осталось от байка – непонятно, зачем.

Спешить.

К городу.

«– Ма, а там город будет?»

«– Будет... если захочешь...»

Люди ждут.

Смотрят на часы.

Кто-то спрашивает, сколько времени осталось.

Гид отвечает – до полуночи.

На часах без четверти.

Жанна всхлипывает, Жанна смотрит в темноту ночи, куда уехал её сын. Снова бросается на гида с упреками, снова спешно доказывает, что зачем всех-то, зачем всех, куда, куда всех, тут один из десятерых вот такой, а остальных зачем в города гнать, на верную погибель, а?

Гид молчит.

Наконец, спокойно, нехотя бросает – каких всех, каких всех, то все, а то ваш Артур....

Артур останавливается на вершине холма.

Отсюда должен быть виден город.

Нет.

Не так.

Город должен быть прямо здесь.

Здесь.

Нестерпимый холодок побираются к пальцам, сковывает руки, сжимает сердце.

Вот оно.

Начинается.

Артур ждет город, должен, должен быть город...

Ну же...

Ну...

Часы бьют полночь.

Жанна звонит сыну, Жанна слышит – абонент недоступен.

Трясётся в рыданиях.

Гид молчит.

Нет, так-то нам хороший гид попался.

Бывает хуже.

Бывают такие, которые до последнего волынку тянут, завтра поедем, завтра-завтра, а потом в последний момент подскочит, давайте-давайте, скорей-скорей, а-а-а-а-а, и бегут, бегут, бросая вещи, в страхе смерти бегут...

А этот ничего, все у него четко, все по расписанию, все как надо. Скажет – завтра в полдень выезжаем, значит – завтра, в полдень, до вечера на месте будем, главный костыми ляжет, а город новый сделает.

И ходят по миру сотворенные города, города, города...

Хороший главный.

Артуром звать.

Добраться до негорода

Мне говорят – это рискованно.

Так говорит переводчик, сидящий у меня на плече.

Немножко думает, добавляет – тут не рискованно, тут другое что-то, какая-то смертельная опасность, такая, о которой даже не говорят вслух.

Я повторяю.

Терпеливо.

Настойчиво.

Как.

Добраться.

До Таймбурга.

Таймбург.

Сердце делает сальто.

Таймбург.

...чем дальше я шел по извилистым улицам Таймбурга, чем больше огибал уютные старинные домики, тем больше на меня накатывало ощущение чего-то мистического, сказочного, что произойдет вот здесь, вот тут, вот сейчас. Возможно, вечерний туман был тому виной, или усталость после тяжелого дня – но я чувствовал и еще что-то, уж слишком подозрительно качались фонари без ветра и шевелились голые кроны деревьев с остатками листвы. И я уже несколько не удивился, когда фонарь на углу расправил перепончатые

крылья...

Сегодня вечером я буду на острове, говорю я себе.

Сегодня вечером.

Снова спрашиваю, сколько стоит лодочка – седоватый хозяин отчаянно машет руками, да что вы, да какая лодочка, да вы в Букбурге переночуйте, отличный городок, и гостиницы тут просто великолепные, кровать в полкомнаты, вечерний чай, а завтраки-то какие, завтраки, а как крылопатку готовят, закачаешься...

Я молчу.

Они думают, что я приехал в Букбург.

Они.

Все.

У меня в туристическом ваучере так и написано – в Букбург.

Они ничего не знают про Таймбург.

Просто.

Не знают.

И про то, что я вечером буду там.

...с самого начала, когда на горизонте показались огни Таймбурга, я сразу же почувствовал, что меня ждет что-то из ряда вон выходящее – нет, не обычные чудеса и приключения в незнакомом городе, а что-то такое, что расскажи мне кто, я только руками бы развел, да быть такого не может. Я подумал, что провести отпуск в таком месте было странно-ватой затеей – знал ли я тогда, что Таймбург станет моим

домом и моей судьбой?...

...Таймбург.

Я увижу его.

Сегодня.

Бросаю прощальный взгляд на берега, на белые камни, поросшие лесом, – где-то там за холмами прячется Букбург, уютный городишко, в котором можно переждать непогоду, выпить вечерний чай, настоящий на настоящем букбургском вечере, потом забраться в широченную постель, которая по местному обычаю подвешена к потолку на манер гнезда...

Сжимаю зубы.

Нет.

Я проделал слишком долгий путь, чтобы отступить перед какой-то непогодой.

Слишком.

Долгий.

Путь.

Включаю мотор – ветер гонит лодку в седой туман, дальше, дальше, в молочно-белесую пустоту осени, в холод океана.

Навигатор молчит, неожиданно вспархивает с моего плеча, уносится в темноту подступающей ночи.

...Таймбург не переставал поражать меня – то, что в обычном городе было бы банальным происшествием, в Таймбурге стало бы из ряда вон выходящим приключением, выбраться

из которого было бы ой, как непросто. Я сразу понял, что труп фонаря на перекрестке – это не просто несчастный случай, тут все намного серьезнее...

Море бросает лодку из стороны в сторону, лодка делает сальто, беспомощно вертится на месте, ну давай же, вперед, вперед, вперед, вперед, вперед, вперед, вперед...

...тщетно.

Если бы здесь был навигатор, он бы нашептывал мне, что нужно разворачиваться к берегу – но навигатора нет, он вспорхнул, он улетел, я дал ему вспорхнуть и улететь, что-то подсказывало мне, что он будет мне только мешать, мешать, нашептывать, что нужно разворачиваться, скорей, скорей, скорей, скорей.

Нет.

Я слишком долго добирался до Таймбурга, чтобы отступить.

Годы.

Века.

Тысячи лет.

Снова раскрываю книгу, снова читаю драгоценные строки:

...этот месяц был особенным – в нем оказалась не одна луна, а целых две. Мы вежливо раскланивались перед каждой из лун, мы чествовали обе луны, мы приглашали луны в гости – по очереди, чтобы они не столкнулись друг с другом. Я уже не помню, по чьей вине это случилось – кажет-

ся, просто досадная оплошность, что две луны встретились в маленьком кафе, по иронии носящем название «Одинокая Луна» – мы старались сделать все, чтобы они не заметили друг друга, мы обступили их, предлагали выпить – но в разгар вечера они столкнулись лицом к лицу. Стоит ли говорить, что за этим последовала нешуточная дуэль, в результате которой...

Я думаю, о каких двух лунах он говорит.

О месяце, в котором случилось два полнолуния, или о том, что в Таймбурге знали про вторую луну, которая иногда появляется на небосводе....

Волны качают лодку, хотят перевернуть.

Смотрю на мерцание маяка бесконечно далеко.

Еще можно вернуться, беззвучно говорит мне маяк.

Вернуться.

На улочки неприметного Букбурга, маленького городишки, затерянного среди холмов, где на ветру качаются одинокие фонари, где из маленьких тракторов пахнет жареными крылопатками...

Ударяю в весла.

Гребу.

Туда, где погибель.

Туда, где Таймбург.

Увидеть Таймбург.

Увидеть могилу Родуэлла, воспевшего Таймбург.

Увидеть...

...дальше не знаю.

Неважно.

Неважно.

Переворачивается мир...

...опрокидывается сам на себя...

...швыряет меня в ледяные волны....

...хватаясь за...

...нет, не за соломинку, нет тут никаких соломинок, за воду, за воздух, за самого себя, так, не паниковать, расслабиться – легко сказать, расслабиться, когда опора уходит в никуда, интересно, кто-нибудь пробовал это делать...

Хватаясь за...

...за что-то...

Да.

Есть.

Не сразу понимаю, что сжимаю в руке вожделенную книгу, – любой другой зашвырнул её подальше, виновницу всех бед, но только не я, не я, – держу в руках, наконец-то заставляю себя расслабиться, покачиваться на волнах.

Раскрываю.

Уже что-то подсказывает мне, что я не выберусь из пучины бесконечного тумана, листаю страницы, хватаюсь за последние воспоминания о Родуэлле, о Таймбурге, о самом себе...

...основным прототипом Таймбурга из романов Родуэлла стал город Букгург, в котором писатель провел все детство

и юность, куда неизменно возвращался после дальних странствий, где обустроился на старости лет. Там-то юный Гарри и смотрел первый раз на белые скалы далекого безлюдного острова, там-то и появились в его мечтах первые образы несуществующего города на острове – города с крылатыми экипажами, с говорящими домами, летающими фонарями и деревьями, с которых собирают урожай лун. Сам автор никогда не бывал на безлюдном острове, – к счастью для самого Родуэлла, который не успел разочароваться в причудливых белых скалах.

Еще толком не понимаю, что именно я прочитал...

...туман смыкается над головой с легким всплеском....

Еще не на шпиле

Люди говорят, его видели на площади, там, где он прыгнул со шпиля двести лет назад. Вроде что-то искал. А может быть, нет.

Люди говорят, он пришел.

Другие возмущаются, крыльями хлопают, да что вы, да быть такого не может, выдумали тоже – он, какой он, откуда он, да быть не может никакого его.

А вот может.

А вот кто-то видел.

Не далее как сегодня, он в кафе какое-то заходил, да врете вы все, ни в какое ни в кафе, да врете вы все, и не заходил, и не он, и вообще вы все врете...

Шумит городок, волнуется.

Ну, еще бы.

Он пришел.

Ну, не пришел, – появился, или как он там делает.

В кафе заходил.

Ах да, не в кафе.

И да, не заходил.

И да, не он.

Собрали срочное заседание Парламента, долго решали, так ничего и не решили, а что тут вообще можно было решить. Кто-то даже предложил убить его, на кого-то зашика-

ли, хотя сами в глубине души подумали – убить.

Погнали людей, выследить, как он ходит, какими улицами, какими тротуарами, ну не телепортируется же он в самом-то деле. Оказалось, и правда, телепортируется, сегодня он на сквере Времени, а завтра он на сквере Безвременья, а послезавтра еще где.

Посылали к нему людей, якобы, случайных прохожих, – женщину с ребенком, старушку, стайку девочек-подростков, пару молодых парней. Ждали, может, заговорит с кем-нибудь, что-нибудь спросит. Девчонкам выдали новенькие айфоны, парням подарили очки дополненной реальности, малышу еще что-то навороченное, фантастическое...

В спешном порядке выстроили на площади что-то невероятное, фантазмагорическое – как в одном из его романов. Даже пустили по городу парочку летающих автомобилей – в тех местах, где он ходил, а в кафе пустили роботов-официантов.

Ждали чего-то, сами не знали, чего.

Пытались подловить его, взять интервью. Рассказывали ему что-то про космические технологии и полеты к Марсу.

Снова устроили заседание Парламента.

Снова что-то решали, снова ничего не решили.

Совсем.

Кто-то снова сказал – надо бы его убить. На кого-то снова зашикали, про себя снова подумали – надо бы...

– А можно узнать, сколько вариантов будущего вы посе-

тили?

– Хотел бы я сам это знать...

– Ну, хотя бы примерно?

– И даже примерно не скажу...

– Тысячи?

– Миллионы. Миллиарды.

– Да вы что?

– Да, где-то так.

– Ничего себе... и ни один мир не подошел?

– Я вам более того скажу, ни в одном мире уже не помнят, что я писал.

– Значит, у нашего мира есть ша... э-э-э... наш мир вам понравится.

– Ну... я еще не понял до конца...

Он мотался по свету, по аэропортам, по столицам, его везде пропускали – без документов, без виз, потому что в книгах так было, чтобы без документов, без виз, – к нему пристраивались случайные люди, которых тоже приходилось пропускать, чтобы он ничего не заподозрил, что где-то еще остались визы и паспорта.

Уже был скандал, когда его не пустили в какую-то страну, уже все как один направили ноты протеста этой стране, Макадамии там какой-то или как её. Страна оправдывалась, а мы что можем сделать, у нас же война, еще не хватало, чтобы он войну увидел...

Его книги допечатывали миллионными тиражами, про-

давали за баснословные суммы, расхватывали с прилавков. Кто-то поговаривал, что он стал самым богатым человеком в мире, но это было неправдой – вряд ли до него дошла хотя бы малая толика тех денег. Толпы туристов собирались на площади, где он когда-то прыгнул с высокого шпиля, где камни мостовой еще хранили его кровь. Пришлось даже записывать туристов в очередь, которая растянулась на месяцы. Пару раз там появлялся и он сам – конечно, безо всякой очереди, просто ходил по площади, смотрел на шпиль.

Это был дурной знак.

Ходил по площади, смотрел на шпиль.

Собрали заседание Парламента. Уже просто там, сами не знали, зачем. Кто-то предлагал связать его и посадить под замок, чтобы не прыгнул со шпиля – но тут же возразили, что ему необязательно прыгать со шпиля, он может сделать с собой что-то еще... или вообще ничего не делать, просто... разочароваться.

Еще надеялись устроить что-то вроде заповедника, с летающими машинами, с городом-садом, с космодро... стоп-стоп, какие еще космодромы в черте города, а ведь у него в книжках, черт возьми, были такие космодромы, и даже корабли на крышах домов, и можно было в стеклянном лифте подняться на крышу и полететь на Луну...

...вот да.

На Луну.

Надо пригласить его куда-нибудь, на Луну хотя бы, да что

вы брешете, у него же сердце слабое.

А утром в воскресенье видели, как он стоит на чердачном окне шпиля, смотрит в пустоту площади.

Мы поняли, что он узнал правду.

Мы поняли, что не смогли обмануть его, выдать наш мир за что-то другое.

Я видел, как он стоял на краю окна. Я понимал, что должен сказать ему что-то, остановить – но у меня не было слов.

Что-то подсказывало мне – все кончено.

А потом он прыгнул.

И я закричал, когда он взмыл вверх, вверх, вверх, мне показалось – до самой луны. Я даже не сразу понял, что на ногах у него что-то причудливое, понавороченное, разрекламированное, пытался вспомнить название, но от волнения забыл.

Собрали заседание Парламента. Так. на всякий случай. Решили, что опасность миновала, что нам удалось его обмануть.

Я взял слово – мне не давали слова, я сам его взял, я сказал, что где-то есть настоящий его мир, тот самый мир с летающими машинами и космодромами на крышах, мир без границ и войн, без международных заговоров и предателей. Мир, написанный в книгах, мир, который ждет своего творца. И теперь никогда не дождется.

Ну и что, возразили мне, а нам-то что. Ну как же, ответил я, некрасиво это получается, мы отняли его у его мира, те-

перь тот мир умрет без своего создателя. Ну и что, возражали мне, мы-то тоже жить хотим, своя рубашка ближе к телу, и все такое. Возразить мне было нечего, тем более, слова мне не давали.

Только я понимал, что не все так просто, что если он не найдет свой мир, случится что-то очень и очень плохое, причем, плохое для всех миров, не только для нашего. Я спрашивал себя, что мне делать, сказать ему правду, или продолжать играть свою роль для спасения нашего мира – и не находил ответа.

Я... тут надо сказать, кто такой я – но, похоже, не получится, потому что я сам толком не знаю, кто такой я. Меня назначили его лучшим другом, меня послали случайно подвернуться ему на улице, завести разговор, рассказать, какой у нас замечательный мир. Мне даже подарили очки дополненной реальности, – правда, они его не впечатлили.

Я еще надеялся на что-то – может, мы заиграемся, может, и правду мало-помалу станем вот такими, как в книжках, чтобы... чтобы... стыдно признаться, что не читал ни одной его книги, просто – не читал... Может, он и сам этого ждет, может, надеется на что-то, я не знаю, все хочу у него спросить – все не спрашиваю...

Город Дунай на берегу Парижа

Ближе к вечеру наш герой решил заночевать на берегу Парижа – дело в том, что Париж сегодня вечером решил побыть рекой. Герой разбил палатку на берегу Парижа... нет-нет, он нечаянно разбил, он не хотел, и даже готов заплатить за разбитую палатку, сколько скажете.

Герой волновался. Что-то подсказывало ему, что сегодня Дунай стал городом – и герою не терпелось посмотреть на город Дунай, но до него было слишком далеко.

Наутро герой проснулся с рассветом, и даже удивился, что оказался с рассветом в одной постели, вроде ложился спать один, хотя кто его знает. А потом наш герой отправился в Альпы, которые ненадолго решили стать городом, и поехал для этого на Марселе, который сегодня захотел быть поездом. Но когда герой добрался до Дуная, то увидел, что Дунай снова стал рекой – правда, по виду этой реки было понятно, что она совсем недавно была чем-то другим.

Ближе к вечеру (кстати, вечер сегодня превратился в раскидистый лес) наш герой решил остановиться в Лондоне – это была уютная гостиница в старинном замке, из окон которого приветливо мерцали огоньки. Правда, замок почему-то решил обосноваться на дереве, в ветвях раскидистого дуба, и добраться до него оказалось сложновато, зато внутри было очень уютно.

Он нашел героя ближе к ночи...

...кто он, спросит читатель.

Ну, он.

Тот, кто следит за героем.

Следит, значит, следователь.

Тот, кто должен его арестовать.

Следователь выследил нашего героя и стал поджидать, пока тот с рассветом спустится из своего замка. Правда, рассвет мог поднять шум, устроить переполох, а то и вовсе заступиться за героя, чтобы на того не надели наручники – но следователь надеялся, что рассвет побоится так делать, куда-нибудь убежит.

Что такое?

Вы боитесь за героя?

А что так?

А-а-а, верно рассуждаете, не будет героя, не будет истории про героя, и читать будет нечего.

Так что правильно боитесь, правильно.

А что же вы стоите, если вам не все равно – так предупредите героя, вот он завтракает с рассветом, скажите ему, что ему грозит беда, пусть бежит... а куда бежит, как бежит, у выхода караулит следователь...

Ну, ничего.

Замок расправляет крылья, срывается с ветки, с совиным угуканьем уносится прочь в сторону уходящей ночи. Следователь бросается следом, расправляет крылья, а вы как хо-

тели, у следователя тоже крылья есть – летит за замком, да разве за замком угонишься...

...вот и не угнался следователь за замком.

А наш герой решил пообедать в Атлантике – Атлантике надоело быть океаном, она стала уютным кафе, где можно было со вкусом пообедать. Обед со вкусом, правда, был дороже, чем обед без вкуса, но ничего, наш герой... а собственно, что наш герой – богатый или бедный? Откуда у него деньги? Может, не так уж неправ следователь, когда хотел его арестовать?

Герой хотел пообедать не только со вкусом, но и с рассветом, но рассвет признался, что у него много дел, откланялся и заспешил восвояси. Тогда герой пригласил на обед Лондон, все-таки нужно было его поблагодарить за ночлег и за помощь.

– С какой целью вы путешествуете?

– А что... у путешествия должна быть какая-то цель?

– Ну, разумеется. Так вы...

– ...а разве само путешествие не может быть целью?

– Гхм... Где вы живете?

– Везде... и нигде.

– То есть, у вас нет своего дома?

– Ну, почему же нет... сейчас... поищу... где-то тут был... – турист начал шарить в своей сумке, вытаскивая на стол воспоминания и мечты, которые следователь с интересом рассматривал.

– Где вы родились? – спросил следователь.

Да, он все-таки нашел героя, все-таки следователь не такой уж и глупый...

– А что... обязательно нужно где-то родиться? А без этого никак?

– Послушайте, вы мне тут голову не морочьте, вы... – следователь перебирает воспоминания, спохватывается, – а... а где ваша память с двадцать третьего по тридцатый?

– Даты?

– Какие даты, годы, годы!

– Да вы же сами видите, какой у меня бардак, – извиняется герой, разводит тощими руками, – потерялись...

– ...вот так вот разом с года на год? Ну, знаете, если бы у вас все по полочкам разложено было, я бы еще и поверил, но не это... не это... Где воспоминания?

– Может... может их украл кто-то? – спохватывается герой, – так вы же следователь, вы же сейчас разберетесь, что случилось!

– Вы аресто...

...Лондон хлопает крыльями, бросается к герою, скорей-скорей-скорей, прячсья, герой скорей-скорей-скорей прячется в замке-Лондоне, замок снова взмахивает крыльями, летит куда-то в сторону высоких гор...

– А ну-ка стоп! – следователь хлопает в ладоши, – а ну-ка все на место, на место, кто чем был!

Все пугаются, все возвращаются на место, Дунай снова

разливается рекой, Альпы вытягиваются горами, города превращаются в города, какой-то маленький автобус пытается тайком остаться серпиком луны, ему так нравится – но твердая рука следователя возвращает его с небес на землю.

А герой наш...

...а герой наш в Лондоне спрятался, верно. Город большой, что есть, то есть, ну да ничего, у следователя связи что надо, уже рассылает фотографии героя по всем адресам, уже ставит посты, уже ищет. И двенадцать чугунных драконов на границе с Лондоном обнажили мечи, летают, ищут, найти не могут...

...что говорите?

Верно.

Не нашли.

Как сквозь землю про... а-а-а-а, да-да, в метро-то и не смотрели, и катакомбы всякие под Лондоном, и подземелья все проверить, и...

...нет.

Все равно нету.

Присмотрелись к какому-то монументу на берегу Темзы, вроде похож, да нет, этот монумент там пятьдесят лет стоит, тоже не то. Так куда же он делся, черт его дери, так как же это...

– Ну, конечно же! – следователь хлопает себя по лбу, – все так просто...

– Что просто?

– Да вы сами смотрите, Лондон, это что такое?

– Ну, город...

– Да какой город, это же улица еще есть такая в Париже!

Кинулись на улицу в Париже возле вокзала, улицу оцепили, улицу заковали в наручники, ходят, смотрят...

Точно.

Вот, по видеокамерам видно, был он здесь, был...

...и....

...и дальше пошел, конечно, что он вас, ждать будет, что ли? Следовательно рвет и мечет, все оцепите, все ищите, не мог он далеко уйти, не мог... разве что превратился во что-то, вот это поискать надо, во что он мог...

...а вот...

– Господин следователь! Господин следователь!

– Что такое?

– Часы! Часы!

Следователь смотрит на часы на вокзале Сен-Лазар, одиннадцать, двенадцать, час... нет, никакого тринадцатого деления, никаких стрелок, бегущих назад, ничего особенного...

– Да нет же... вот же!

Следователь смотрит.

Спохватывается.

Безумное нагромождение часов, которые непонятно как держатся друг на друге...

– Хватайте его! Хватайте!

Хватают. Арестовывают.

– Примите свой настоящий облик... именем закона!

Ничего не происходит, часы по-прежнему громоздятся друг на друга.

– Господин следователь...

– Что такое?

– Господин следователь...

– Ну что еще?

Следователь слушает, не понимает, какой Пьер, какое время для всех, какие еще чемоданы, не пойду я никакие чемоданы смотреть...

Тьфу ты, черт, а ведь упустили бродягу, упустили...

Стоп, какое – упустили, ну-ка быстро, прочешите весь Париж, проверьте каждую картину в Лувре, и Башню, и каждый багет, и каждый замок на мосту, где влюбленные замочки оставляют, и...

Все проверяют.

Странника нет.

Но, черт побери, не мог он выбраться, не мог, город-то оцепили со всех сторон...

Может, догадаетесь?

Верно.

Село Париж под Челябинском.

Вот там-то герой и оказался, от следователя ускользнул.

А мы следователю не скажем, верно? Не знаем мы, где герой. Не знаем. Сбежал. Мало ли куда.

Следователь вам деньги большие обещает, и города обе-

щает, вот у него все города обратились в драгоценные камни, вот он их на нитку нанизал как бусы, протягивает вам, вот, все для вас, Рига, Варшава, Дрезден, Венеция, Милан, Париж, Марсель, а вот город Гент знаете, да вы посмотрите, красотища какая, вот все для вас, вы только скажите, где человек этот...

А мы ему не скажем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.